
РЕЗЮМЕ
СОРТИРОВЩИКА
ПЕСЧИНОК
Любовь Афоничева

Любовь Александровна Афоничева

Резюме сортировщика песчинок

Серия «Прекрасное далёко»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67897658
ISBN 978-5-6051398-5-0

Аннотация

А что, если будущее окажется светлым? Люди этичны и бережны по отношению друг к другу, большинство экологических проблем решены, о преступлениях можно узнать скорее из архаичных романов, чем из новостей. Трудно придумать более унылое местечко для жизни. По крайней мере, по мнению Вольги Эф_Имера, двадцатилетнего бунтаря и пижона, который получает образование в учебном заведении для одаренной молодежи и готовится стать мехимерником – создавать квазиживых существ, помогающих людям в разных сферах деятельности. Вольга считает всех вокруг слизняками и предпочитает развеивать скуку с помощью злых шуток и изящного хамства. Однако, встретившись с настоящей жестокостью, у которой оказывается его собственное лицо, он вынужден ввязаться в поиски загадочного Стрелка и заключить союз с теми, кого считал бесхребетными мечтателями.

Содержание

В этой части истории я много болтаю, Песочница живет своей обычной жизнью, а Стрелок выходит на очередную охоту	4
В этой части истории я веду себя очень смирно. Но это мне не помогает	27
В этой части истории я расстаюсь с чем-то важным. И что-то важное приобретаю взамен	54
В этой части истории я ощущаю первые предвестники эготрясения. Нет такого слова? Ну, вот теперь, значит, будет	81
В этой части истории чужие тайны проявляют ко мне повышенный интерес. Чему я не слишком-то рад	99
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Любовь Афоничева
Резюме сортировщика песчинок

В этой части истории я много болтаю, Песочница живет своей обычной жизнью, а Стрелок выходит на очередную охоту

Большинство из тех, кто меня знает, – предпочли бы не знать. Никто не устроится в соседнем гелевом кресле, если есть свободные места подальше, а на чашку пряного мeффа скорее пригласят сырой ноябрьский сквозняк. И пусть не у всех, но по крайней мере у некоторых в том темном уголке сознания, куда ссылают самые неприглядные мысли, на крепком поводке и в шипастом ошейнике сидит надежда, что однажды я запнусь – и упаду виском на острую ледышку.

А самое интересное – мне все это, пожалуй, даже нравится.

Поскольку делает чуть менее пресной жизнь в нашем уютном аквариуме для слизняков… То есть, простите, я хотел

сказать «в наши благополучные времена». Которые, разумеется, не всегда были таковыми.

Несколько поколений назад времена и вовсе собирались закончиться. По крайней мере, такова официальная версия. И хотя я вообще-то официальным версиям не слишком доверяю, в этой есть доля правды. Однако предки собрались, встряхнулись и наскребли достаточно здравых идей, чтобы отложить Большой Бдымс на неопределенный срок. К радости благодарных потомков.

И вот он я – теоретически благодарный потомок. Да и практически тоже. Но все же склонный к размышлениям в духе: «Вот ведь лысый мантикор! Никому на нежное эго не наступи, каждому руку подай, плечо подставь, ножки помой. Вот же скука…»

Развеивать скуку я наловчился, копаясь в родительской коллекции архаики. Не запрещенки, к сожалению. Но если искать прилежно и азартно, то и среди дозволенного можно обнаружить занятные вещицы. Тут главное – правильно настроить фокус восприятия. И тогда даже незамысловатая комедия о коротышке, который ловко водит за нос туповатых громил, может стать пособием по доведению ближнего своего до нервного тика. А уж в классике встречаются такие сочные эпизоды с участием колюще-режущих предметов, что мне даже сложно представить: а что тогда творится в запрещенке, если вот это все в нее не попало?

Я нашел, прочитал и посмотрел достаточно, чтобы к со-

вершеннолетию превратиться в мастера по стиранию доброжелательных улыбок с лиц сограждан. А также обладателя весьма живописно запятнанной репутации.

С такой репутацией пасти бы мне китов… Хотя нет, этих бы не доверили. Значит, пасти бы мне оленей где-нибудь в тихом уголке Белой Спирали. Но меня неожиданно выручил тест на способности к мехимерике, который проходят все достигшие восемнадцатилетия. По его результатам получалось, что выпихивать меня на окраину жизни – не рационально. А рационально – предложить мне переехать в маленький, но гордый городок Мантикорьевск и стать студентом одной из Песочниц. То есть «отделения Поливекторной Экспериментальной Системы Образования, Самоопределения и Самореализации». Но ломать язык о столь уродливую конструкцию или высвистывать официальную аббревиатуру «ПЭСОСС» желающих нашлось мало. Так что эти учебные заведения почти сразу стали чуть насмешливо, но метко именовать Песочницами.

Здесь, конечно, тоже тоска. Зато отборнейших сортов. Поскольку и сами обитатели отборнейшие: самые талантливые, самые благонамеренные, самые полезные для общества.

Ну и еще я.

В нашей Песочнице имени Феофана Аэда «ищут себя» в основном этики, орфы-выдумщики, эко-футуристы и прочие болтологи. Но и мои будущие коллеги здесь тоже есть. Немногочисленные, а потому особенно ценные будущие кол-

леги. Сейчас нас всего семеро: двое поступили вместе со мной, еще трое присоединились в прошлом году, и лишь один студент-мехимерник – в этом.

Довольно занятно, что именно у меня обнаружился тот редкий образ мышления, который позволяет написать мехимеру. А еще занятнее, что, проучившись уже два с лишним года, я по-прежнему не очень понимаю, как это происходит.

Допустим, внешние аспекты более или менее ясны: есть формулы и алгоритмы, позволяющие вложить в квазиживое существо определенный набор качеств. Есть врожденное чутье, помогающее из огромного объема данных отобрать только необходимые. И отбросить все, что тоже кажется необходимым, но на самом деле не позволит мехимере воплотиться. Есть программа, которая вкладывает написанный тобой образ в маленькое промхитиновое семечко и запускает его рост, но… Почему это срабатывает? Или, наоборот, не срабатывает – в большинстве случаев и у большинства людей?

И как он вообще догадался, этот маленький носатый гений Нико Лю, что с промхитином можно такое вытворять? Что это не просто практичный материал, но и нечто гораздо более… захватывающее?

Когда речь заходит о мехимерике, мне всегда представляется горстка людей, которые бродят с крохотными светодиодами в огромном темном зале, периодически натыкаясь на объекты неясного назначения. А то, что один из этих людей – я, вызывает одновременно нервный смешок и некоторую

гордость.

Впрочем, за любую гордость приходится чем-то расплачиваться. За эту, например, в числе иного прочего – ранними подъемами. И как бы ни хотелось мне продлить тот тягучий, лакомый час, когда вставать еще рано, а спать больше не хочется, но он уже истекает последними минутами. Кубик под подушкой включает пробуждающие вибрации, а значит, пора вылезать из кровати, расчесывать и собирать в хвост свою тяжелую медно-рыжую шевелюру, облачаться во что-нибудь темное и асимметричное от Домны Кар_Вай и нести в мир скепсис, мизантропию и интригу.

И если вам, мои воображаемые слушатели, еще не наскучил рассказчик, то можете отправляться пощупать прелести этого дня вместе со мной. А день, который начинается с практикума по хомопластике, совсем уж без прелестей быть не может. Даже несмотря на то, что погода для начала октября на редкость отвратная, ко всем окнам прилепилось любопытствующее серое ничто, а в моем правом буу́те барахлит терморегулятор.

Первое лицо, которое я вижу, выйдя в коридор, – это лицо Тимофея Инхо́, слизняка высшей категории и обладателя внушительного перечня совершенств. Парочку из которых было довольно интересно обернуть против него.

Занятнее всего получилось в первый раз, когда наш поток только заселился в Песочницу. Помнится, я договорился с Инхо, что он покажет мне пару приемов боя на шестах. Эта

экзотическая архаика тогда почему-то поднялась в верхние слои Но́о, и падкие на все популярное студенты вдруг стали таскать с собой легкие промхитиновые палки. Хотя большинство из этих шестоносцев предпочитали не пыхтеть в спортзале, а забрызгивать слюной коридоры, до хрипоты обсуждая всевозможные позы, тычки, атаки и блоки.

Впрочем, это не об Инхо – он-то как раз предпочитал практику.

Но и я подготовился старательно. И в день нашего урока неплохо повеселился, раз за разом «ошибаясь» – и награждая Инхо будто бы случайными тычками, за каждым из которых следовало мое трогательное, убедительно сыгранное извинение.

Не помню уже, на какой раз он догадался. То ли на восьмой, то ли на девятый. Но тогда я все-таки перестарался… Когда увидел, как вместе с каплями пота с его лица стекает вечная солнечная улыбочка, и решил, что теперь его шест может прилететь в какую-нибудь ценную часть моего тела. Адреналин вышиб предохранители, все такое… Пара чересчур агрессивных ударов, которых Инхо не ожидал. Да и я от себя не ожидал. Обычно я предпочитаю эмоциональное воздействие, которое доказать гораздо сложнее, чем перелом трех ребер.

Честно говоря, я был уверен, что Тимофей Инхо распишет эскулапам все в подробностях: откуда переломы и синяки, кто затеял этот урок, кто тыкал в него палкой почем зря,

а сам остался целехонек, да еще и улыбался в конце. А эски, разумеется, обо всем доложат этикам. И меня в первый же месяц обучения выдворят из Песочницы. Вежливо и тактично. Хвост лысого мантикора положив на мой талант к мехимерике.

До сих пор гадаю: почему Инхо этого не сделал? И не жалеет ли об этом? Поскольку больше я таких удобных поводов выпнуть меня из Песочницы не давал. Хотя, конечно, от своих маленьких развлечений не отказался. Просто стараюсь проворачивать все так, чтобы мое авторство оставалось неочевидным.

Инхо, кстати, вернулся из эс-комплекса целый, бодрый и весь в друзьях. До нашего «урока» у него, насколько я знаю, был только один постоянный спутник – Михась Белый, человек-монумент, на которого бóльшей части Песочницы приходится смотреть снизу вверх, и который говорит в основном белым стихом, из-за чего слушать его любопытно, но понимать иногда трудновато. А когда Инхо снова появился на лекциях, оказалось, что к нему каким-то образом успели прибиться еще трое: танцорка, балагур и кудрявая орфочка. С тех пор они так и держатся вместе. И вечно куда-нибудь то нос суют, то руку помощи.

Во времена менее травоядные эти ребята с удовольствием загнали бы меня в тихий темный коридорчик и попробовали… эм… вколотить в меня немного своей правды.

Впрочем, тогда они, пожалуй, оказались бы в меньшин-

стве. И еще неизвестно, кто бы кого загонял…

Ну а в нынешние времена верные детки этики могут разве что держаться от меня подальше и коситься подозрительно. И еще ждать, когда я оступлюсь. А мне и не жалко, пускай ждут, рыцуцики. Это словечко я за ними с первого же года закрепил. Нелепо, весело и точно – как раз то, что надо.

За этими воспоминаниями и размышлениями я как раз успеваю дойти до Малого зала. Не считая мастерской мехимерников, это мое любимое место в Песочнице. Есть в нем что-то основательное: стены из классического серого промхитина, кессонный потолок, строгий ритм настоящих деревянных скамей. И никакого декоративного самоублажения от архитекторов, которые в детстве не наигрались в феечек. Никаких гелевых кресел. Ничего лишнего и аморфного… Кроме разве что студентов, постепенно заполняющих зал.

Вот, например, ближайшая дружбанка Тимофея Инхо – или амурка его, я не вникал – Агния Венц. «Венц» – вот надо же выбрать себе такое второе имя? Будто кто-то дал щелбан листу железа.

Я, кстати, Эф_Име́р. Вольга Эф_Имер. По поводу первого имени к родителям никаких претензий – архаично, лаконично, безо всяких там ватных «ша», писклявых «ми» или простецких «ва». Хороший выбор. Ну а «Эф_Имером», придуманным в двенадцать и официально закрепленным за мной в четырнадцать, я до сих пор горжусь: и о краткости бытия забыть не дает, и некий ореол угрозы имеет, да еще и с буду-

щей профессией, как оказалось, сочетается. «Мехимерник Эф_Имер» – чистая поэзия.

Однако я еще не закончил с Венц. А ведь у ближайшей дружбанки Инхо есть кое-что поинтереснее, чем неудачное второе имя, – две роскошные, тяжелые темно-русые косы. Только они во всей Песочнице так же хороши, как мой собственный рыжий хвост. Пожалуй, я с удовольствием понаблюдал бы, как смешиваются русые и медные пряди… Жаль только, что для этого требуется согласие Венц.

Мой взгляд продолжает скользить по залу, не находя, за что бы еще зацепиться. Но тут персональные кубики в карманах и руках студентов звякают, оповещая о начале занятия.

Хомопластику у нас ведет ментор София Виа́ль. Старушенция, усохшая так изящно, как часто удается листьям, но крайне редко – людям. Высоким и юношески-звонким голосом она объявляет кое-что интригующее: сегодня нас ожидает практикум в круге внимания. То есть зрелище. Либо радость для глаз, либо чье-то унижение. Меня устроит как одно, так и другое.

– Слава Па, идите сюда, пожалуйста, – делает выбор Виаль. – Сегодня у вас есть возможность первым прожить для нас небольшой этюд. Давайте, не волнуйтесь, мы – доброжелательные зрители, вы же знаете.

Ох уж эта склонность менторов к обобщениям. Ну какой из меня доброжелательный зритель?

Вот и Слава Па охотно подтвердил бы, что никакой. Не зря же я регулярно топчусь по его трепетному эго. Пару раз доходило даже до публичных слез, которые потом отливались мне долгими часами дополнительной этики. Но как удержаться, если он все время подставляется?

Справедливости ради скажу, что в ординарной и неординарной математике Па хорош. А еще в истории и каллиграфии. Но это его лошадиное лицо, эти его волосы, постоянно уложенные в странные узлы, и растянутые рукава, в которых прячутся руки, и невыносимейшая манера цедить слова… В общем, ходячая оплеуха гармонии.

Не берусь судить, насколько гуманно со стороны ментора Виаль вызывать в круг внимания именно его. Впрочем, учеба в Песочнице предполагает не только поддавки, но и преодоление. Поэтому старушка недрогнувшей сухой лапкой запускает на своем кубике музыкальную композицию. Простую, с ясным ритмическим рисунком и очевидным ассоциативным рядом. Но даже под нее Слава Па, скорее всего, будет только маяться, потеть и жалобно дрожать ресницами.

И как все ухитряются сидеть с такими внимательными и дружелюбными лицами, глядя, как этот сын подножки и отшибленного копчика пытается прилепить одно движение к другому? А движения ни в какую не желают прилепляться. Колени стукаются друг о друга, подбородок вздергивается все выше, глаза обреченно закрываются. Даже музыка как будто мельчает и слабеет, когда ее вот так пропускают через

себя. Вначале в ней позвякивают тающие льдинки, прорезают пахнущую пирогом землю лезвия травы, беспечный путник протаптывает тропинку через весеннее поле… Но чем дольше смотришь на Славу Па, тем сложнее услышать что-либо, кроме хлюпанья торта об лицо.

Этот этюд можно было бы даже назвать гениальным. Если бы, конечно, его целью было изобразить растерянность и беспомощность.

А вдруг именно это Слава Па и пытается… Да нет, бред.

Никто не хихикает. Никто не шепчется. Но я уверен, что многие думают: «Как хорошо, что это не я. Что это не мой живот вырывается из дружеских объятий ремня. Что закушена не моя губа. И не для меня каждая секунда длится дольше часа…».

Наконец музыка заканчивается, а вместе с ней и мучения Славы Па. Теперь он может вернуться на свое место и принять положенную ему порцию утешительных комментариев. Я, конечно, присоединюсь к обсуждению. Но не сразу – сначала дам поблудить языком другим.

Эстафету мямлей открывает Илья Сансэ́, один из моих будущих коллег. Хотя, глядя на него, трудно поверить, что у этого слизняка и правда получится вырастить хоть одну мехимеру. Даже банальнейшую кулинарку. Говорит он что-то про полезный опыт любых переживаний, который однажды обязательно переплавится… Да лысый мантикор, даже пересказывать скучно.

Следующей вступает Юна Юна – этакое облако кудрявых волос, из которых торчит нос с характерной горбинкой и поблескивают темные глаза. Не знаю больше никого, чье второе имя просто повторяло бы первое. Но ей, как ни странно, подходит.

Кстати, она тоже из пятерки Инхо. Вышивает звуками… что бы это ни значило. Мне пока не доводилось видеть – или слышать? – ни одного из ее творений. И если бы меня спросили, кем она выйдет из Песочницы, я бы только плечами пожал. Скорее всего, она, как и многие другие «творческие» и «самобытные», выберет самый очевидный путь: либо прибьется к уже существующей орфейне, либо откроет свою. Может, не в Мантикорьевске, а в своем родном городке на горе. Или под горой. Потому что ее родной городок явно либо там, либо там.

Но до этого еще как минимум три года, а пока Юна Юна старательно льет обезболивающие речи в уши поникшему слизняку Славе Па:

– …не слишком художественно, ага. Но, понимаешь, и я ведь не прочитаю с листа текст на незнакомом языке. А для тебя язык собственного тела… вроде иностранного. Сейчас так показалось. И если показалось правильно, то надо начинать со словаря. Возьми какую-нибудь простую песенку, прочувствуй ее всю от начала до конца, попробуй на вкус каждый ее звук. А потом уже…

– …безжалостно изувечь своей пластической интерпрета-

цией. – Я выбираю этот момент, чтобы вставить пару иголок под ногти самолюбию Славы Па.

Юна печально качает своей кудрявой копной, но отменить моих слов не может. А я продолжаю:

– С одной стороны, вроде бы замечательно, что ты калечишь музыку без удовольствия. С другой стороны, если бы ты делал это с удовольствием, то во всем этом появился бы хоть какой-то смысл. Не очень приятный и очень личный, но все же. А так… немного обидно, когда твое чувство прекрасного пытают безо всякого смысла.

– Спасибо, Эф_Имер, что всегда готовы поделиться своим мнением. Вы подбираете… эм… очень эмоциональные формулировки. Однако в ваших суждениях несколько меньше… эм… конструктивности, чем хотелось бы мне, как ментору. Надеюсь, что к следующей практике вы проработаете этот… эм… недочет. Либо же сумеете каким-то образом воздержаться от высказываний.

Ментор Виаль, разумеется, прекращает недозволенные речи настолько быстро, насколько ей позволяет негласный регламент. Но что бы там ни мурчали духоподъемного остальные ораторы, запомнятся Славе Па именно мои слова. Ведь только я озвучил то, о чем думает он сам.

Теперь я с удовольствием развернул бы кубик и проверил: что там сегодня новенького в верхних слоях Ноо? Однако на практических занятиях это запрещено. Считается, что тут нужна полная вовлеченность. И мне не остается ничего ино-

го, как скучать и считать кессоны на потолке, пока Виаль не решает наконец, что Па достаточно поглажен по головке.

Следующей ментор вызывает в круг внимания Лору Афе́йну. И это уже не столько испытание, сколько показательное выступление. Потому что, несмотря на рост «тетя, достань галактику» и широкую кость, Афейна прекрасно двигается. Хоть с плавностью текущего меда, хоть с резвостью бешеной белки. Вот ее мне легко представить действующим мехимерником. И, пожалуй, она в чуть меньшей степени слизняк, чем прочие мои соседи по Песочнице.

Но на все, что она сегодня плетет из своего крупного тела, я смотрю вполглаза. Лениво размышляя о том, что надо бы сходить в мастерскую Кар_Вай и потребовать, чтобы та отремонтировала терморегулятор в бууте. Потому что не имеет права барахлить вентиляция в такой дорогой обуви. А на обратной дороге можно будет перекусить в какой-нибудь орфейне… или нет. До следующего родительского доната еще почти месяц, так что шиковать сейчас не очень умно.

К тому же от этих ленивых обжорных посиделок я превращаюсь в какое-то римляничное желе. Рассиропливаюсь. Вот-вот подернусь сахарной корочкой… Лысый мантикор, это меня от голода, что ли, в такую жуткую гастрономическую образность понесло?

Но ведь правда: если бы ментор Виаль сегодня вытащила в круг внимания меня, то картинка была бы невыразительная. Конечно, не позорище в стиле Славы Па. Но и графично сло-

мать себя в самых неожиданных местах, как в прошлом году, я бы уже не смог. И против рыцуцика Инхо с шестом я бы сегодня не вышел. Не хватило бы, не знаю, азарта? Апломба?

Я любуюсь удивительно точеными для такой массивной фигуры лодыжками Афейны. И украсила она их занятно… Правда, сейчас надписи не прочитать – ноги двигаются слишком быстро. Хотя и не так затейливо, как руки, которые одновременно змеятся и порхают. Красиво, но рискованно – ментор Виаль наверняка пожурит за «сомнительную двойственность». Если не найдет, к чему еще придраться. Но зачем искать что-то другое, если можно пощебетать про любимую «целостность образа»?

Предсказуемо и скучно. Как всегда.

Я кручу в кармане кубик. Снова зачем-то представляю себя в круге внимания. Представляется нерадостное. Пора, наверное, возвращаться к ежедневным тренировкам. И в орфейнях поменьше рассиживаться. А лучше всего – затеять новую игру, для которой понадобятся гибкость, сила и кураж.

Как назло, ничего подходящего не сочиняется. Пока я перебираю варианты, Афейна успевает дозмеиться и допорхать, вернуться на свое место и выслушать… не знаю, что – я ведь все прозевал. Когда мое внимание возвращается к занятию, Виаль уже всех отпускает. Студенты разбредаются по лекториям. А мне приходится задержаться на выходе.

Я неординарен во многом, но вот с ростом не повезло –

рост у меня самый что ни на есть средний. И поэтому Венц даже голову задирать не приходится, чтобы плеснуть мне в лицо взглядом, полным плохо спрятанного возмущения. Я равнодушно присоединяю этот взгляд к коллекции ему подобных. И еще успеваю мимолетно вообразить запястья Венц, связанные ее же косами…

А потом она говорит – очень тихо, но очень четко, так что невозможно усомниться ни в одном слове:

– От тебя сегодня особенно сильно мертвечиной несет.

И даже ноздрями демонстративно дергает.

Я не столько задет, сколько удивлен. Потому что слизняки обычно такого не говорят. Даже если случается в их жизни что-то неприятное – например, я – от них все равно редко чего дождешься, кроме обтекаемых беззубых словечек. Ибо – этика.

А тут внезапно такое смелое хамство. Пусть голосишко на последнем слове и дрогнул, но ведь держится, как… как валькирия, готовая устроить кому-то валькирдык.

Нет, не кому-то – мне.

Ответить Венц я не успеваю. Хотя должен бы. Иначе чего она стоит – моя живописно замаранная репутация? Но момент упущен, Агния Венц уже развернулась и отправилась по каким-то своим делам. Мне остается только пожать плечами и отправиться по своим. Ничего страшного, будет еще случай просветить ее насчет того, что ядовитые зубы – вредная мутация для слизняка.

А пахну я, кстати, осенним лесом и осенним лисом. Во всяком случае, что-то подобное нашептывала одна из моих амурок. Та, которая любит рыжих, плохую поэзию и позу наездницы.

Да, пора, наверное, признаться: если я сумел создать впечатление, что моя жизнь полностью лишена симпатий и объятий, то так и было задумано. Не смог удержаться. Чуть больше темных оттенков, чуть шире мазки – и портрет получается намного выразительней. Но рано или поздно стало бы очевидно, что не настолько я занятный психопат. Когда возникает острая потребность в объятиях, я отправляюсь в город и пытаюсь найти подходящие. Чаще всего получается. И тогда я даже даю себе труд побыть вежливым, внимательным и забавным.

Если бы об этом узнал Герман Сам_Эди, наш ментор по этике, то наверняка добавил бы мне баллов. Но я ему, конечно, такого не рассказываю. Предпочитаю быть для него чем-то вроде ходячей зубной боли. То есть тем же, чем и он для меня.

Мысли мои не зря свернули в сторону этики. Поскольку именно она стоит в моем расписании следующей. К счастью, в очередной раз проверять терпение на прочность не приходится – в лектории вместо Сам_Эди нас встречают пиджаки. То есть официально они, конечно, «защитники прав и свобод». Но кто же будет их так называть, если есть удобная альтернатива? Я даже предполагаю, что они сами это словечко

и запустили в народ – пока остроумный народ не выдумал чего позаковыристей.

Пиджаки пришли втроем: один умный, один красивый и один – на всякий случай.

Хотя нет, вру. Внешность у всех троих скорее государственная. Даже пиджак женского… эм… покроя нельзя попрекнуть милой мордашкой. Зато голос у Марфы Лионэс приятной джазовой хрипотцой. За последний месяц мне не раз приходилось его слышать. И, подозреваю, еще не раз придется.

Тут, пожалуй, самое время рассказать о том, что пиджаки делают в Песочнице. И о том, кого студенты боятся больше, чем меня, хотя и не знают в лицо. То есть о Стрелке.

Первую его жертву нашли месяц назад, на первой же неделе учебного года. Оскар М_Акиáн – красавчик, будущий эко-футурист, эталонный слизняк. Чьими-то стараниями – ни жив, ни мертв. Эскулапы, как наши, так и приглашенные из Зеленой Спирали, развели руками и сказали что-то вроде: «Бла-бла-бла, неизвестный нейротоксин, бла-бла-бла, состояние, сходное с комой, бла-бла-бла, будем наблюдать». В переводе на человеческий это означает, что они понятия не имеют ни с чем столкнулись, ни как помочь бедолаге.

Но, по крайней мере, след на шее не проморгали. И даже сумели определить, что оставил его стандартный микродротик для пневматического инъектора – так называемого «жала». Что, впрочем, не особенно упростило поиски стреляв-

шего, поскольку такие инъекторы используются достаточно свободно. Да, для того, чтобы купить «жало», нужно иметь высокий этический статус – то есть мне, например, его бы не продали, – но это еще не означает, что его невозможно раздобыть каким-то не вполне официальным путем.

Тут, разумеется, подключились пиджаки. Началась суета, беседы и расспросы. По всем жилым и учебным этажам Песочницы бегала суставчатая служебная мехимерка, собирала какие-то данные.

А результат? Пшик на палочке. Или даже без палочки.

С тех пор Стрелок выходил на охоту еще дважды – в конце сентября и в начале октября. И койки по соседству с М_Акианом заняли орф-словесница Ива Лау и какой-то кондитер со смешным именем. Он, кстати, пока единственный, кто очнулся. Но, насколько я понял из тех информационных ломтиков, которыми нас кормит Ноо, в голове у него что-то гавкнулось. Всерьез так, без шансов на починку.

Все это, конечно, изрядно взбаламутило нашу идиллию. Кое-кто из студентов даже уехал. А из тех, кто остался, многие наверняка закидываются успокоительным и обнаруживают сердце трепыхающимся в горле, когда слышат шаги за спиной.

Честно говоря, мне и самому вечерами бывает не по себе.

Потому что нет, Стрелок – это не я. Как бы ни косились на меня рыцуцики. И сколько бы ни расспрашивала меня своим джазовым голосом пиджачка Марфа Лионэ, которой нужно

хоть кого-то подозревать. А я, как ни крути, удобная кандидатура. По крайней мере, если смотреть со стороны.

Вот только я никогда не любил непоправимых действий. Да и веселья в том, что делает Стрелок, на мой вкус – никакого. Но чтобы выяснить это, пиджачка должна задать мне правильные вопросы. А она всегда спрашивает не о том.

Вот и сегодня Лионэ затеяла бессмысленную болтовню о синтетических ядах. Рассчитывает поймать кого-то на оговорке? Надеется на то, что Стрелок не удержится и прихвастнет знаниями?

Судя по второму имени, девчонкой Лионэ любила помахать самодельным мечом в Пятнистом бору – поиграть в спасительницу исчезающих чудовищ.

Но тут у нас чудовище не воображаемое. И защитники ему не нужны.

– Эф_Имер, органическая химия – это ведь один из ваших профильных предметов. Не хотите присоединиться к нашему разговору?

Видимо, я смотрел на Лионэ слишком долго и слишком пристально. Теперь придется что-то говорить. Что-то слегка обидное и в целом бессмысленное. Потому что ничего полезного я предложить ей все равно не могу. Раздумывая над формулировкой, я пропускаю между пальцев гладкие рыжие пряди. Один из спутников Лионэ, имя которого я не потрудился запомнить, вцепляется взглядом-репейником в мое лицо. Довольно неприятно. Особенно если есть причина

– или привычка – трепетать.

Хорошо, что у меня нет ни того, ни другого.

– Вы совершенно правы, органическая химия – один из моих профильных предметов. А вот групповое дуракаваляние – нет. Но я все равно вас внимательно слушаю. Считаю, сколько раз прозвучит слово «теоретически». Пока двадцать три, но я немного отвлекся в начале, так что мог пропустить разок-другой.

Лионэ чуть наклоняет голову.

– Почему именно это слово?

Я пожимаю плечами:

– Оно лишает веса все остальные. Теоретически возможно слишком многое. Что ни возьми – все теоретически возможно. Спросите меня, например: «Можно ли создать мехимеру, которая будет погружать человека в состояние… как там эски говорят? Близкое к коме. Теоретически?»

– И вы ответите?..

– А вы не догадываетесь? Что теоретически – возможно. Но преступно и неэтично, разумеется.

Я вижу, как напрягаются мышцы вокруг ее рта.

– Возможно – в принципе? Или возможно – для вас? Теоретически.

– Вы что, заподозрили меня… в гениальности? Приятно. Но нет, у меня пока не было шанса проверить, насколько я новатор в мехимерике. Так что возможно – в принципе. И теоретически. А еще, кстати, теоретически возможно,

что в одно прекрасное утро на подоконнике вашего кабинета найдется забытое Стрелком «жало». Заряженное, для вашего удобства, тем самым нейротоксином. Или чем-то другим. Туда вполне можно запихнуть тех же мехимер, если придумать, как уменьшить их до размера микроорганизмов. Теоретически.

– Ясно. Жаль, что мне пришло в голову нарушить ваше молчание. Боюсь, время, потраченное на этот диалог, было потрачено… не слишком продуктивно.

Я широко улыбаюсь джазовой пиджачке, демонстрируя, как мало меня волнует ее раздражение.

После этого беседа еще какое-то время скачет по кочкам зрения, периодически скатываясь в ямы прискорбного невежества. Я слушаю не очень внимательно, потому что диалог с Лионэ заставляет меня вспомнить о Большом Луу – мехимере, которую я пишу. И которую должен вырастить к концу пятого курса, чтобы получить разрешение на работу. У меня вспыхивает сразу несколько любопытных идей насчет ее внешнего вида, с которыми хочется поиграть немедленно.

Но приходится ждать, пока день кривоватым вихляющим колесом докатится до вечера.

Через историю искусств, которую в нужных местах обнажает для нас Павла Имберис. Эта пожилая тетка, состоящая, по-моему, наполовину из ртути и ржавой проволоки, а наполовину из поэзии мертвых цивилизаций, – единственный ментор Песочницы, которого я по-настоящему уважаю.

Правда, безо всякой взаимности.

Через марш-бросок сквозь октябрь в мастерскую Домны Кар_Вай и обратно.

Через обед, съеденный в приятном одиночестве.

Через час внутренней тишины, положенный каждому студенту.

Через неординарную математику.

И, наконец, через музыкальный час, на котором нас мучают каким-то ископаемым хоралом.

Когда же я добираюсь до мастерской и устраиваюсь за рабочим кубом, выясняется, что за день утренние идеи успели выцвести и подрастерять свое обаяние. Но уходить из-за этого я, конечно, не собираюсь. Повозиться с Большим Луу, даже без конкретных задач, – все равно удовольствие. Персональный кубик проигрывает что-то из рабочего плейлиста, но я почти не слышу музыку. Слишком увлечен.

В шею болезненно тюкает. Я машинально дотрагиваюсь до нее. Нащупываю что-то маленькое, гладкое и прохладное. Уже проваливаясь в хищный черно-бурый туман, я все-таки успеваю повернуться к двери. Ничего толком не вижу. Одни плавающие цветные пятна да смазанный силуэт среди них. Кажется, невысокий.

Жаль, никому уже не рассказать…

В этой части истории я веду себя очень смирно. Но это мне не помогает

Вытаиваю. Из черно-бурого. Медленно.
Неподъемные веки.
Хрупкие мысли.
Все, что длиннее нескольких слов – разва…
Нет запахов. Звуки? Непонятно.
Но жестко. Неравномерно. Прохладно… кажется.
Ладони оттаяли. Под ними трава. Кажется.
В сущности, все – кажется.
Потому что во мне…
Ломаются и тают. Мысли. Думаю снова.
Был выстрел. Потом туман. Но я понял, успел…
Ломаются. Опять.
Еще раз думаю.
Я – мехимера. Нет, не то.
Я – мехимерник.
Да. Но тоже не то.
Я мехимерник. Во мне мехимеры.
Маленькие. Очень…
Как это называется?..
Нано… кажется. Да.

Стрелок – гений.

А я… Еще в мастерской.

Или уже в эс-комплексе.

Но еще я здесь.

Где – здесь?

Здесь есть трава. Нет запахов.

И мехимер… нет. Но это – кажется.

Ведь они есть – в моей крови. В моей голове.

Поэтому я – здесь.

Могу поднять веки. Наконец-то. Впрочем…

Много серого наверху. Двигается.

Я люблю серый… кажется.

Серый наверху двигается быстро. Как будто его двигает…

Все еще ломаются.

Ломкие мысли. Раздражают.

Стрелок – мехимерник. А пиджаки не знают.

Ха. Или не ха.

Наоборот. Жаль.

А я ведь сказал им.

Почти сказал. Смешно?

Нет. Не смешно.

Неуютно и некрасиво.

Сверху серое. Небо? Да… кажется.

И быстрые облака. Сильный ветер.

Все это – кажется. Но я чувствую, что жестко. Что прохладно.

Что по руке кто-то ползет.

Могу повернуть голову и посмотреть. Муравей. Могу стряхнуть.

Могу приподняться на локтях и оглядеться.

Могу думать. Наконец-то.

Зрелище унылое. Дурная бесконечность, заросшая короткой бурой травой. На горизонте пятнышко. И вроде бы оно двигается.

А вот я – нет.

Потому что приподняться-то я могу, а встать не получается.

Надеюсь, что только пока. Потому что пятнышко на горизонте все-таки двигается. И может оказаться чем угодно.

Прекрасной девой, например. Но я не наскребу в себе достаточно оптимизма, чтобы предположить это всерьез.

Ведь тот бедолага кондитер очнулся чокнутым. Я слышал кусочек разговора в коридоре. Про то, что он постоянно орет и ссыться. Хотя какое там ссыться – катетер же… Напридумывают страшилок и сами себя пугают.

Но на прекрасную деву рассчитывать все же не стоит.

И было бы неплохо встать на ноги. Хотя бы.

Однако тот, кто впустил в мою голову этот пейзаж, мало интересовался моими желаниями. Поэтому я все еще лежу, приподнявшись на локтях, когда пятнышко превращается в фигурку. В фигуру. В знакомую фигуру.

В меня.

Вроде бы все родное: худощавое и вполне удобное для жизни тело, крупноватый нос, скулы, достаточно острые, чтобы резать ими девичьи сердца.

Но почему я раньше никогда не замечал, что у меня глаза настолько светлые, а взгляд такой… рептильный?

Я-второй присаживается рядом со мной на корточки и улыбается.

Меня как будто окунают в ванну, полную ледяных муравьев.

Никогда, ни разу в жизни мне не было так страшно. Я дергаюсь, пытаюсь отползти на локтях. Хотя бы на несколько сантиметров. Но не могу.

Я-второй, кажется, знает об этом. Во всяком случае, он никуда не торопится. Совершенно.

Деловито поправляет медно-рыжий хвост. Шарит по карманам.

– Эй…

Страх съел все мои ораторские способности. Всю уверенность, наглость и кураж. Я-второй молча смотрит. Я пробую еще раз.

– Эй, что… ты делаешь?

На самом деле стоило бы спросить: «Что ты собираешься делать со мной?» – но не выговаривается. Да если бы и выговорилось, толку-то – он явно не собирается отвечать.

Во всяком случае, словами. Просто улыбается еще раз и продолжает шарить по карманам.

Почему собственное ожившее отражение пугает меня так сильно? Настолько, что я предпочел бы видеть рядом какое-нибудь чудовище, с головы до ног утыканное окровавленными зубами?

Не могу понять. Но и перестать бояться тоже не могу.

Я-второй тем временем находит то, что искал. Ножик. Небольшой, аккуратный, с лаконичной серой рукояткой.

Я бы выбрал именно такой.

Все так же никуда не торопясь, я-второй разрезает штанину на моей левой ноге и принимается снимать с нее кожу. Тонкими полосками. Будто чистит яблоко.

Руки снова примерзают к траве. Я не могу дернуться. Вывернуться. Ударить.

Зато могу кричать.

Довольно долго могу.

А потом больше не могу.

Тоже довольно долго.

А еще потом появляется третий.

Второй его не видит. Он очень сосредоточен на своем занятии. И даже, наверное, не успевает ничего понять, когда третий одним резким движением сворачивает ему шею.

Бояться уже не получается. Хотя, может, и стоило бы.

Зачем-то закрываю глаза. Но все равно слышу, как я-третий оттаскивает я-второго подальше. Садится рядом. Устра-

ивается поудобнее. Сухая бурая трава исправно похрустывает, сообщая мне о его передвижениях.

– Эй?..

Я бы усмехнулся, если бы помнил, как.

Что ж, этот хотя бы говорит.

Открываю глаза. Третий смотрит с жалостью. Но такой… брезгливой, что ли. Потом начинает шарить по карманам.

Снова закрываю глаза.

– Эй, посмотри на меня.

Смотреть не хочется.

– Ну или хотя бы рот открой.

Этого не хочется тем более.

– Да ладно, все страшное уже закончилось. Мне просто нужно сказать тебе кое-что. И чтобы ты был в состоянии меня понять. Поэтому давай ты сейчас выпьешь вот этот… ну как будто бы эликсир здоровья. Обманем по-быстренькому твой, то есть наш, мозг. Хотя нет, почему обманем? Убедим. Это не больно, это даже наоборот.

У него мои интонации. И от этого то, что он говорит, кажется насмешкой. Но я все-таки открываю глаза.

У я-третьего в руке действительно склянка с чем-то золотистым и светящимся. Пожалуй, если бы меня попросили вообразить эликсир здоровья, я бы как раз такую картинку и представил.

Что никак, в общем-то, не мешает этому золотистому оказаться инструментом новой пытки. Но я позволяю влить его

в себя. Потому что если я-третьему очень захочется – он же все равно вольет. Может быть, выбив предварительно зубы.

Что бы там ни было в воображаемой склянке – оно срабатывает. Я снова могу двигаться. Могу даже сесть. Пошевелить ногами. Одежда так и остается разрезанной, но кожа на месте. Вся.

Я смотрю на двойника. Он очень знакомо пожимает плечами.

– Слушай, а ты… кто? Или что?

– Серьезно? Мог бы и сам дотумкать.

Я молчу, настаивая на вопросе.

– Ну ладно… Допустим, так: я – запаска, которая случайно нашлась у твоего сознания. Вероятность. Возможность. Версия развития. Такая, знаешь, «еслибыдакабыль».

Он усмехается. Любитель диких словечек.

Как и я.

Похож, очень похож. Даже волосы так же пропускает между пальцами, когда говорит.

И одновременно – другой. Будто его… рыцуцик покусал.

– А этот тогда?.. – Я киваю в сторону лежащего тела.

– А вот это как раз основная версия. Это ты, Эф_Имер. Лет семь спустя. Или пять. А может, еще меньше. Как пойдет.

У него получается так произнести мое… наше второе имя, что оно звучит почти оскорбительно.

– Неправда. Я никогда… Да, я, конечно, издеваюсь немно-

го над слизняками. Но нельзя же сравнивать… Это не одно и то же. Я никогда не переступаю черту.

Двойник снова знакомо пожимает плечами.

– Смотря где она у тебя проходит, эта черта. Которую ты никогда не переступаешь. Помнится, Тимофею Инхо ты ребра сломал.

– Случайно!

– Но вспоминаешь с удовольствием.

Приходит моя очередь пожимать плечами.

– Кстати. Об Инхо. – Мой странный собеседник знакомо вздергивает краешек рта. Значит, дальше будет что-то неприятное. Во всяком случае, для меня. – Я ведь о нем и хотел поговорить. Насколько я понимаю… или ты понимаешь… Л-л-лысый мантикор со всеми этими нюансами! В общем, Инхо и его друзья ищут Стрелка. Не точно, но скорее всего. И тебе стоит навязать им свою помощь, когда придешь в себя.

– То есть я приду? И буду… нормальным?

– А ради чего еще я тут, по-твоему?

– Это приятные новости. Но в компанию к рыцуцикам? Зачем? Да и пошлют они меня… лысых мантикоров пасти.

Серое небо несется у нас над головами точно так же, как и в самом начале. Но странный двойник косится на него озабоченно. Еще раз пропускает между пальцами медно-рыжую прядь и снова пожимает плечами:

– Не исключено. Все-таки это основная линия, как я уже

говорил. Та, что приводит к нему. – Он кивает в ту сторону, где валяется я-второй.

– Не убедил.

– А я тебя и не убеждаю. Ты мне вообще не очень-то инте…

В этот момент я-третьего смахивает черно-бурым хвостом тумана.

Когда я прихожу в себя в стандартной палате эс-комплекса, мысли поначалу опять ломаются. Потом прекращают. Но все же остается некая… путаница. Я чувствую, что подо мной простыня вкуса тонких галет с тмином. Когда я провожу рукой по распущенным волосам, мне кажется, что одновременно я облизываю ржавую железку. От подушки отчетливо пахнет минорным скрипичным аккордом. А от мехимерки-диагноста, которая обнимает мою шею, так сильно несет губной гармошкой, что меня начинает мутить. Эскулапы пытаются общаться со мной то темно-синим, то канареечно-желтым, но периодически проскакивает и тревожный бордовый.

И только спустя примерно полторы субъективных вечности от подушки начинает пахнуть чем-то цитрусовым, а волосы становятся просто сальными на ощупь. И я осознаю наконец, что эскулапы чуть из форменных штанов не выпрыгивают от радости, что я не ору, не бьюсь в припадках и не ссусь на простыни с ботаническим узором.

Впрочем, какого лысого мантикора я снова впускаю в свой внутренний монолог чужие фантазии? Простыни мне не дал бы испортить катетер, который хоть и бережет государственное имущество от порчи, но мне счастья не добавляет. Так что день освобождения от него я готов считать праздничным. Тем более что одновременно с этим мне разрешают помыться, удалить щетину, обновить защитную пленку на зубах и собрать волосы в привычный хвост.

Потом пару дней возле меня квохчет отец. А следующую пару – вздыхает мамхен. Затем снова отец, уже до самой выписки.

Не то чтобы мамхен хотела побыстрее уехать. По крайней мере, я надеюсь, что не хотела. Но она у меня тоже из эсков, работает в полном контакте с кардиохирургической мехимерой. Вечно кого-то спасает… или хотя бы пытается. Поэтому пара дней возле моей койки – все, что она может себе позволить.

Ну а папаня – миколог в грибных теплицах, так что может скучать тут, сколько захочет.

Самому мне поскучать особо не дают – бесконечные анализы, тесты, долгие беседы сначала с эсками, потом с пиджаками. В основном заходит моя старая знакомая – Марфа Лионэ. Вертит в руках кубик, смотрит ржавыми глазами то в душу, то в окно. Хотя, по-моему, и тот, и другой виды ей не очень-то нравятся. Спрашивает об одном и том же разными словами. Наверное, их так учат. Наверное, она все делает

правильно. Но у меня нет настроения разнообразить для нее свои ответы. Я и с первого раза рассказал все, что посчитал важным.

Например, про наномехимер. Насколько я помню, лет семь назад Совет Голосов запретил их разработку. Но всегда найдется тот, кого запреты только раззадоривают и с чьей помощью прогресс в очередной раз выползет из-под пятки осторожности. Чтобы за эту самую пятку укусить.

Получив информацию про наномехов, пиджаки заметно оживились.

В отличие от эскулапов, которые, наоборот, приуныли.

Еще бы. Нейротоксин можно хотя бы попробовать нейтрализовать. А наномехи – это что-то из области фантастики. Тут ищи не ищи лекарство – мантикора лысого найдешь.

Трижды мне устраивают свидание с гармоником. В расчете, видимо, на то, что я проведу ему экскурсию по внутреннему миру с обязательной демонстрацией болевых точек. А он мне в ответ – целительный мур-мур. И я, значит, выхожу из эс-комплекса бодрым солнечным болванчиком.

Но такая метаморфоза не входит в мои планы.

А кроме того… о я-втором нельзя просто поговорить – и забыть. О нем даже с самим собой – невозможно. Поэтому никому из своих собеседников – хоть в халатах, хоть в пиджаках, хоть в модных шелухаях – я всю историю так и не рассказываю. Делаю вид, что не помню.

Но я помню. Память периодически зашвыривает меня под

стремительно несущееся серое небо. Под безупречно острую улыбку, которая занимает половину этого неба. Под маленький неторопливый нож.

Но эскулапы об этом не знают. Выгляжу я бодро, анализы у меня почти идеальные, так что держать меня в эс-комплексе они больше не видят смысла. Отец, поквохтав еще немного на прощание, возвращается домой, в Певну. А я, как и положено любой уважающей себя бесчувственной скотине, счастлив, что удалось отвертеться от прощальных посиделок с ним в орфейне.

И, как положено человеку, чью и без того иллюзорную свободу ограничивали, я счастлив получить свою иллюзию обратно. Она даже кажется мне симпатичнее, чем обычно. Хотя бы потому, что позволяет больше не смотреть на арт-панели, бесконечно льющие с потолка мягкий свет, и пасторальные пейзажи.

Наконец-то можно вернуться в Песочницу, к бодрящей неприязни студентов и менторов. К недописанному Луу. К лекциям Павлы Имберис. И к сотне других возможностей отвлечься от серого неба и неторопливого ножа…

Периодически в мысли лазутчиком пробирается совет я-третьего – навязать свое общество Инхо и его компании. Но обосноваться в голове я ему не даю. Если бы кто-нибудь предложил мне выбор между вечным разглядыванием пастельных арт-панелей и общением с рыцуциками, я бы, возможно, выбрал арт-панели. Поэтому ну их, эти сомнитель-

ные рекомендации сомнительных двойников. И то, что он говорил насчет моего будущего, – неубедительно. Я не живодер и не маньяк. И не стану таким, сколько бы лет ни прошло.

А вот Стрелка вычислить, пожалуй, хочется. Раз уж он дал мне повод.

Первые дни после возвращения в Песочницу я чувствую себя магнитом, который таскают по коридорам, усыпанным железной стружкой. Глазеют все. Большинство украдкой, но некоторые и в открытую. Как-никак все десять дней, что я провел в эс-комплексе, моя история держалась в самых верхних слоях Ноо.

Я загадка. Счастливчик. Феномен. Единственная жертва Стрелка, которой действительно удалось выкрутиться. Тот сбрендивший кондитер – не в счет.

Каждый ментор находит повод полюбопытствовать – в интересах своей науки, угу, разумеется, только в них. Проскользнуть по узкой дорожке между этичностью и желанием пощекотать нервишки.

Разве что Павла Имберис не пытается вывернуть меня наизнанку в поисках острых деталей, которые никому еще не удалось вытащить на свет. Вместо этого окидывает умным птичьим взглядом и суховатым голосом произносит:

– Есть мнение, что бесстрашным в своей наивности – или, пользуясь архаичным термином, «дуракам» – часто везет. Но я никогда раньше не задумывалась: везет ли так же и тем, кто

в своей наивности – страшен? Давайте-ка встряхнем мифологию и посмотрим, что нам оттуда на эту тему высыплется…

И ее тут же уносит к берегам сияющего давно минувшего. И к берегам лучезарного никогда не существовавшего.

И я ей за это благодарен.

Мехиментор Симеон Ро тоже не задает мне вопросов на лекциях. Просто потому, что ему дали шанс удовлетворить любопытство еще в эс-комплексе, как только меня признали вменяемым и разрешили контакты. В основном Ро спрашивал о наномехах – о том, как я понял, что во мне именно они. Точно ли я в этом уверен? Почему уверен? И где они сейчас? А я разными словами отвечал: «Не знаю». Варианты были примерно такие: «Так я чувствовал». «Это было очевидно». «В конце концов, я же мехимерник». «Вскройте уже мне черепушку и поищите там ответ, который вам понравится».

Вскрывать не стали. А все доступные эскам исследования, к сожалению, не дали никакой полезной информации. Поэтому Ро еще некоторое время изводил меня однообразными вопросами, а я изводил его однообразными ответами.

Взаимной симпатии это нам, разумеется, не прибавило.

И вот теперь его взгляд выписывает поистине занятные траектории, чтобы не касаться меня. Но вовсе не это отвлекает меня от лекции, а осознание того, что сейчас в этой мастерской собраны основные кандидаты на роль Стрелка.

Всех их должны были вежливо и муторно опрашивать пи-

джаки. Вероятно, та же Марфа Лионэ. Или ее коллега с причудливой формой черепа и взглядом, похожим на железный репейник. Но если они и выяснили что-то подозрительное, состряпали какую-нибудь версию и теперь ищут доказательства, то мне об этом, конечно же, никто не рассказал.

Так что придется самому присмотреться ко всем этим личинкам мехимерников и попытаться словить за хвост озарение: кто из них способен уронить человека в кошмар и оставить там навсегда?

Вот, например, Демьян Доми, который прямо сейчас прерывает объяснения ментора:

– А почему в этой формуле никак не учитывается красота мехимеры?

Узел темных волос на затылке Симеона Ро покачивается в такт размеренным шагам, в глазах не заметно раздражения. Ментор любит вопросы – простые и сложные, глупые и с подковыркой. А больше всего такие, которые легко превратить в задания.

– Наверное, потому, что Олиславу Ежи_Вель, которая вывела эту формулу – кстати, примерно в вашем возрасте, – эффективность интересовала больше, чем эстетика. Но если вы считаете, что формула устарела и ее можно улучшить, – попробуйте. И, возможно, со следующим потоком я буду разбирать уже формулу Демьяна Доми.

– Договорились, – уверенно кивает курносый слизняк.

Амбиций у Доми предостаточно. Но это еще не делает его

Стрелком. Хотя комплекция подходящая – тот размытый силуэт, который я видел в последние секунды, вполне мог бы принадлежать ему. А что касается характера… Тут мне не хватает информации. Кудрявый пижон учится с нами первый год, да к тому же навертел вокруг себя целую кучу мифов, один другого банальнее. Пока доберешься до правды – со скуки подохнешь. Пару раз я пытался вычислить его болевые точки, но меня одолевала такая зевота, что я бросал это дело. Видимо, зря. Надо было все же докопаться до него настоящего…

– Это персональное задание, или все могут попробовать? – Теперь от объяснения темы ментора отвлекает Лора Афейна.

Та самая, что змеилась и порхала на хомопластике в день, когда меня подстрелили. И та самая, которую я уважаю чуточку больше, чем остальных своих будущих коллег.

Таланта создать наномехов у нее, пожалуй, хватило бы. Вон и Ро смотрит на нее с отеческой улыбочкой, которая на его широком молодом лице выглядит довольно забавно.

– Конечно, все могут. И касается это не только сегодняшней формулы, но и абсолютно любой. Например, вам, Лора, возможно, захочется присмотреться повнимательнее к параметрам со-настройки и со-чувствия человека и мехимеры, работающих в контакте. Чудится мне почему-то особая привлекательность для вас этой темы.

Афейна удовлетворенно кивает.

Какой бы из нее получился замечательный подозреваемый… если бы не рост. Могло ли меня настолько подвести зрение в тот момент? Я ведь, по сути, уже почти ничего не видел… Но, к сожалению, кроме этого сомнительного и нечеткого образа мне пока не за что зацепиться.

– А какие формулы улучшили вы? Или вывели? – любопытствует Деми Доми.

Мехиментор на мгновение замирает, потом разводит руками и признается:

– А у меня, к сожалению, подобных достижений нет. Я, знаете, скорее классик, чем новатор.

– Вы просто тратите слишком много времени и энергии на нас, – подлизывается к ментору Марта Вай_Нон.

Темноглазая, невысокая, тонкая, с белым ежиком волос. Мы третий год учимся вместе. Живем практически бок о бок. Регулярно встречаемся на лекциях и практикумах. Но что я, собственно, о ней знаю? Что носит черное, любит пафосные архаичные цитатки и боится мотыльков. Последнее я даже как-то раз использовал. Могла ли она возненавидеть меня за это? Пожалуй. Переплавилась ли ненависть в гениальность? Не обязательно. Но возможно.

Получается, все, что я о ней знаю, – лишь мелкая рябь на поверхности. Ничего такого, чтобы подозревать ее по-настоящему. Но и ничего, чтобы исключить из числа подозреваемых.

– Спасибо за такую лестную для меня версию, – вежли-

во отмахивается Ро. – Но есть подозрение, что дело все же не только в этом. Для открытий, для прорывов, даже таких… не слишком значимых, как улучшение отдельной формулы, нужна огромная целеустремленность, завороженность темой… Желание славы, в конце концов. И – по крайней мере, в некоторых случаях – легкая безуминка.

Классического безумца среди моих однокурсников больше всего напоминает Илья Сансэ: круглые синие глаза, желтые вихры торчком, создающие впечатление, будто голова у него вечно горит бледным пламенем. На лекциях и практикумах он по большей части молчит. А вот извиняется всегда многословно, даже если не виноват. И регулярно кивает мне при встрече, хотя я никогда не киваю в ответ.

Подходящий типаж для Стрелка?

Вполне.

Или нет.

Снова данных недостаточно для анализа.

– Мне кажется, вы к себе несправедливы, – задумчиво говорит Лора Афейна. – Вы тоже развиваете мехимерику, просто через нас. Думаете, это не заметно – что вы на каждую лекцию приходите с тщательно подготовленным набором крючков? И почти всегда кто-нибудь попадается. Сегодня вот Демьянчика подцепили. И почти наверняка к выпуску он нам забабахает новую формулу гармоничности. А вот у какого-нибудь погруженного в себя маэстро мехимерики мы бы просто записывали его мудрые мысли и выполняли

стандартные задания.

Похоже, ей удается смутить обычно холодноватого Ро. Он поправляет узел на затылке и откашливается, прежде чем сказать:

– Я у вас вышел немножко… этаким кукловодом. Но доля правды в ваших словах есть. Мне нравится, когда вы лезете через забор… образно говоря, конечно же. И еще больше нравится, когда вы находите за ним что-то интересное. Как, например, Ролан Бро из предыдущего потока.

Краем глаза я вижу, как наклоняется к уху Жени Горностая Соня Кассиани. О чем-то спрашивает? О том, чем известен этот Ролан Бро? Я тоже не сразу могу вспомнить. Кажется, это он вырастил мехимер-близнецов. Первый и пока что единственный.

Или Горностай и Кассиани обсуждают то же, о чем задумался и я: а не лазает ли сам мехиментор тайком через забор? Образно говоря. Не строит ли из себя посредственность, чтобы никому не пришло в голову приписать ему авторство наномехов? Ресурсы, во всяком случае, у него есть – и персональный куб, и запас промхитиновых семян…

Правда, он сотрудничает с пиджаками, и Марфа Лионэ наверняка его проверяла. Знать бы, что она спрашивала у мехиментора и осталась ли довольна ответами. Надо было мне тоже пощупать его с разных сторон, пока мы бесили друг друга в эс-комплексе.

Впрочем, тогда я был больше озабочен сохранностью сво-

его рассудка.

Парочка сбоку продолжает шептаться. А я вспоминаю все, что знаю о них. И с раздражением обнаруживаю, что снова ничего существенного.

Да, я в курсе, что Соня Кассиани мается из-за того, что вылеплена чересчур заманчиво. Поэтому она носит бесформенные балахоны и круглые очки без диоптрий. И поэтому же я сделал ее одной из центральных фигур в том многолюдном и очень занятном эротическом комиксе, который однажды целое утро транслировали все арт-панели Песочницы… Рискованная была проделка, кстати. Могли и вычислить. То есть не просто догадаться, кто автор, но и найти тому доказательства. И тогда, вполне возможно, мне пришлось бы попрощаться с Песочницей. Но пронесло.

Я рассматриваю торчащий русый вихор на затылке Жени Горностая. Об этом любителе позависать в Ноо мне известно… да собственно, только то, что он любит позависать в Ноо. И если его неожиданно отвлечь – на несколько секунд теряется и смешно хлопает глазами.

Л-л-лысый мантикор! Не думал, что знаю о соседях по Песочнице так мало. Надо было собрать больше данных, пока они со мной еще разговаривали. А теперь придется как-то выкручиваться: процеживать Ноо по капле, вглядываться, вслушиваться. Надеяться на счастливую случайность.

Или…

Я практически вижу, как плутовски вздергивает краешек

рта я-третий.

Да, с рыцуциками разговаривают все. Ну, кроме меня, конечно. И через них можно выяснить многое, безо всяких процеживаний-приглядываний. Или, во всяком случае, можно узнать от них что-то, что сделает этот процесс менее хаотичным и позволит отлавливать в Ноо конкретные факты вместо того, чтобы нырять наугад…

Хорошо, допустим, я все-таки решусь прищемить мизинчик самолюбию и предложу им временный союз. Аргументы – которые, кстати, еще придумать надо – они, может, и выслушают. Но потом все равно этичненько меня пошлют. Не хватит им ни смелости, ни гибкости для такого союза. Так что пусть лучше мизинчик моего самолюбия остается невредим.

Мне кажется, что я уверен в этом решении.

Но в последующие дни слово «уверенность» начинает меня избегать. Прихватив с собой «ясность» и «определенность». А слово «кажется», наоборот, отращивает длинную суставчатую тень, которая ложится на мою жизнь как наяву, так и во сне.

В эс-комплексе я дрых совершенно спокойно. Подсознание каждую ночь транслировало мне мирную бессвязную чушь, и я втихаря гордился устойчивостью своей психики.

Зря гордился, как оказалось. Стоило вернуться в Песочницу, и почти сразу ко мне присосались кошмары. Причем не та причудливая жуть, которую бывает интересно вспоми-

нать при свете дня. Нет, мои энергетические паразиты оказались иной породы.

В одном, например, я отрываю крылья мухам.

Руки затянуты в перчатки. Протискиваю кисть в специальное отверстие и достаю из большого прозрачного куба жужжащее насекомое. Пинцетом выдираю крылья и бросаю муху в другой прозрачный куб, уже наполовину заполненный ворсистой, блескучей копошащейся массой. И этот процесс повторяется, повторяется, повторяется, без остановок и без надежды на смену сюжета. До тех пор, пока кубик не запускает утренние вибрации и не вытаскивает меня наконец из этой мушиной бесконечности.

В другом кошмаре я просто иду по коридору в сумерках и слышу за спиной шаги. Коридор не заканчивается, освещение не включается, шаги вроде бы становятся ближе. Но оглянуться нельзя.

Странно, что я-второй не приснился мне ни разу, хотя его ночные визиты были бы как раз понятны. Но вместо того, чтобы выяснять отношения с двойником, я вынужден следить, как вещи обрастают густой шерстью от моих прикосновений. Сидеть на табуретке посреди заваленной каким-то хламом комнаты и помешивать кипящее нечто в кастрюльке голой рукой. Бродить по пустынному пляжу, где под ногами постоянно похрустывают белые веточки. А потом оказывается, что это совсем не веточки…

Случаются и пустые ночи. Но этих передышек катастро-

фически не хватает.

Погружения в изматывающий ужас все сильнее влияют на дневного меня. Иногда я краем глаза вижу плавающие в воздухе фигуры. Сиреневые овалы. Оранжевые ромбы. Волнистые линии.

Иногда начинаю что-то делать – и забываю закончить.

Порой выпадаю из реальности на пару минут.

Хуже всего, что это случается и на лекциях, которые теперь полны для меня умолчаний, темных мест и логических дыр. А еще слов, у которых слишком длинное эхо и неприлично короткий смысл.

Все это достаточно интересно, если не касается тебя лично. А вот если касается… Что ж, я делаю взгляд похолодней, походку повальяжней, голос побарственней. И надеюсь, что никто не заметит, насколько шаток этот липовый фасад.

Очередной сумеречный день привычно тащит меня за шкирку туда, где поджидают липкие объятья сна, когда вдруг посреди коридора и хитрой задачки по неординарной математике до моего сознания добираются слова:

– Ребят, есть что-нибудь перекусить? Так неохота до Кормушки идти…

А у меня в сумке, рядом с кубиком, как раз лежит яблоко. Темно-красное, с антисозвездием пятнышек на боку. Не пухлощекое, как ангелята в архаичной живописи, а скуластое. Как я люблю. Лежит себе и ждет перерыва между хо-

мопластикой и часом тишины.

С одной стороны – случайность.

С другой стороны, если на случайность взглянуть через стеклышко из кармана фаталиста, она вполне может показаться неизбежностью.

Потому что еду клянчит Феликс Рур, а рядом с ним, как обычно, его друзья-рыцуцики: Тимофей Инхо хмурится каким-то своим мыслям, Юна Юна блестит черносмородиновыми глазищами, Михась Белый поглаживает костяшки на своей тяжелой лапе, Агния Венц обматывает косу вокруг запястья. И никто из них, похоже, не может сегодня обеспечить другу перекус.

В тумане, который заполняет мою голову, что-то щелкает, дзинькает и лязгает. Видимо, это ребячество, кураж и отчаяние трансформируются в неожиданный поступок. Потому что секунду спустя я говорю:

– Лови.

Вытаскиваю яблоко из сумки и кидаю в Рура.

Он даже ухитряется его поймать.

– И что это значит?

Он держит мое яблоко двумя пальцами на вытянутой руке, как будто оно может в любой момент взорваться или выкинуть еще какую-нибудь опасную штуку. В принципе, разумно – от того, что прилетело из моих рук, можно ожидать любых неприятностей.

Но на этот раз подвоха нет.

– Просто яблоко. Сам собирался его съесть.

– Тогда зачем кинул мне?

Удобного ответа у меня не находится. Даже для себя.

Можно, конечно, все свалить на туман в голове. Я, мол, не виноват. Устал, замотался, потерял управление, и привычная линия поведения вильнула в сторону. Туда, куда я совсем не собирался.

Вот только куда девать ощущение, что как раз таки собирался? И ждал той самой случайности, которая сумеет прикинуться неизбежностью? Ощущение девать некуда, поэтому дальше придется действовать, исходя из того, что я неплохо кидаю яблоки… и собираюсь навязать рыцуцикам свою компанию. Прямо как советовал я-третий, лысого мантикора ему на шею. И плевать, что шея у нас с ним одна.

Я пожимаю плечами и отвечаю:

– Видимо, затем, чтобы у меня появился повод с вами поговорить. Не о яблоках, конечно. О Стрелке.

Они перекидываются взглядами. Инхо задумчиво дергает себя за мочку уха, Рур морщится, Юна постукивает пальцем по носу.

Но первой говорит Венц:

– Пусть приходит вечером в архив. Мне, например, любопытно было бы послушать.

– Да ладно, Нишкин, ты серьезно? Это же Эф-Лучше-Всех-Имер. С ним прекрасно общается он сам, и другим в этот диалог лучше не встревать. – Рур бросает яблоко об-

ратно мне и вытирает руку о штаны.

Красный снаряд пролетает возле моего плеча. Я бы и рад его поймать, но реакция сейчас не та. Даже не оборачиваясь, чтобы взглянуть, что там с яблоком, я вопросительно смотрю на Инхо. Если он захочет уговорить свою компанию – он уговорит.

– Мишель, что думаешь? – спрашивает он Белого.

«Мишель», «Нишкин»… Концентрация сладости в воздухе растет с каждой секундой. Интересно, откуда вообще пошла эта странная традиция – выражать симпатию, коверкая имена?

– Беседы с бедствием вести не очень мудро, – гудит Белый.

Я уверен, что Павла Имберис на своих занятиях задает ему сложные вопросы исключительно ради того, чтобы послушать, как он будет укладывать ответы в эти свои стихофразочки. И я ее понимаю.

– Ю-Ю? – продолжает опрос Инхо.

– Отчасти Мишель прав, но… Я готова выслушать хоть эпидемию гриппа, если она однажды заговорит. Так что и тут… попробовать можно. По-моему.

– Значит… – Инхо задумчиво щурится, снова дергает себя за ухо. Мне вдруг приходит в голову, что его глаза похожи на два кусочка янтаря, в которых застыли букашки зрачков. – Значит, двое «против» и трое «за». Если хочешь поговорить, заглядывай в архив после занятий. А если передумаешь – не заглядывай. Мы не обидимся.

– Тогда до вечера.

Подбираю безвинно пострадавшее яблоко. Трогаю его помятый бок. Укладываю обратно в сумку. И думаю о том, что эта затея потребует от меня немало лицедейства и выдержки.

А я так устал.

В этой части истории я расстаюсь с чем-то важным. И что-то важное приобретаю взамен

До сих пор я ни разу не заходил в архив Песочницы. Даже для того, чтобы взглянуть на бумажные книги. Тем более что их там, насколько я знал, не так уж и много – всего десяток стеллажей, и каждая книга упрятана в стеклянный футляр, который можно отпереть только имея убедительный академический повод и ключ-код от ментора. Ни потрогать, ни полистать, ни понюхать… Так стоит ли впустую дразнить себя разглядыванием корешков?

И все же, оказывается, я напрасно так долго игнорировал это место. Тут приятная атмосфера: теплый сливочный свет, который так и тянет намазать на чуть подсохшую горбушку, а на стенах – копии иллюстраций из старинных бестиариев. И даже ровные ряды поблескивающих книжных саркофагов добавляют этому помещению строгого обаяния.

Правда, вместо каких-нибудь занятных архаичных стульев – стандартные гелевые кресла. Зато приятных оттенков – пыльной травы, терракоты и вечернего неба.

Я знаю по крайней мере две местные орфейни, которые пыжатся создать подобную атмосферу, а получается у них хвост от лысого мантикора.

Здесь же хочется глубоко вдохнуть – и долго не выдыхать. А еще – ходить, заложив руки за спину и наблюдать за тем, как блики играют в догонялки на блестящих поверхностях. Или просто развалиться в кресле и долго молчать в потолок.

Может, я бы и занялся чем-то этаким, если бы не рыцуцики, которые меня уже ждут. Архив как будто чуть-чуть подсветил каждого из них изнутри. Хрупкую – ткни и сломается – Юну в грозовом облаке волос. Живую глыбу Белого, который, со своими темными глазами, смуглой кожей и каштановой шевелюрой, – ходячий оксюморон. Торчащего углами во все стороны Рура. Инхо, такого прямого, будто его постоянно тянет вверх невидимая веревка. Литые косы Венц.

– Уютненько тут у вас, – миролюбиво начинаю я.

Поддержать беседу никто не спешит.

Я подтягиваю к себе ближайшую гелевую каплю и располагаюсь поудобнее.

– Ладно, обойдемся без предварительных ласк. У меня сложилось впечатление, что вы пытаетесь вычислить Стрелка. Правильно сложилось?

– Прежде чем отвечать, хотелось бы понять, зачем тебе этот ответ. – Как и ожидалось, Инхо не спешит откровенничать.

– Хочу выяснить, кто в меня стрелял. Ну, или убедиться в том, что пиджаки до сих пор не преуспели потому, что это действительно трудная задачка. И часть меня – назовем ее, допустим, интуицией – считает, что дело пойдет быстрее, ес-

ли… объединить усилия. С вами.

Рыцуцики переглядываются. Юна топит пальцы в своем черном руне, Рур морщится и качает головой, Венц завязывает узлы на одной из кос. Белый, как обычно, сохраняет невозмутимость монумента. Озвучивает общие сомнения Инхо:

– Неожиданно. Ты ведь понимаешь, что мы… привыкли ожидать с твоей стороны подножки. И будем ожидать. Вряд ли это хорошая основа для какого-либо совместного дела.

– Спасибо, мы как-нибудь сами, – поддакивает Рур.

В принципе, можно подниматься и уходить. Но я пропускаю медные пряди между пальцами и пробую еще раз:

– Хорошо. Буду считать это «мы как-нибудь сами» ответом на свой первый вопрос. Значит, личность Стрелка вас все-таки интересует… И, возможно, вам интересно будет узнать, что он – мехимерник. Или сотрудничает с мехимерником. Этой информации нет в Ноо, пиджаки пока придержали ее для…

– Мы знаем, – прерывает меня Юна. – Марфа Лионэ нам рассказала.

– И мы не пытаемся обставить пиджаков, Эф_Имер, или сделать их работу. Мы пытаемся им помочь, – вворачивает Рур.

– Да пожалуйста, – пожимаю я плечами. – Мне только любопытно, как вы собираетесь вычислять мехимерника, который подтирается этическими нормами, если вы не имеете

представления ни о том, как пишутся мехимеры, ни о том, как подтираются этическими нормами. Почему-то мне кажется, что вам пригодился бы… консультант. Равно талантливый в обеих этих сферах.

– Теперь мне зверски интересно: и зачем же такому полезному тебе – такие бесполезные мы? – Инхо позволяет себе короткую усмешку.

– Хороший вопрос. А на хороший вопрос отвечать чаще всего либо трудно, либо неприятно. Такому полезному мне не хватает информации. Никто, видите ли, не рвется потрепаться со мной о личном. Я предлагаю вам свои уникальные знания и свои… эм… аналитические мощности в обмен на данные для анализа, которые не могу получить сам. Взаимовыгодный союз.

– Не оказался бы союз – предлогом, – мрачно роняет Белый.

– А как ты понял, что Стрелок – мехимерник? – интересуется Юна.

Я устало тру глаза. Мало мне Ро, теперь еще эта…

– Не могу объяснить, просто… Видимо, каждый из нас чувствует, когда вступает в контакт с мехимерой. Даже со столь новаторской.

– А когда ты был там… или как это правильнее… Когда ты был в этом состоянии, ты что-то видел? – подает голос Венц.

– Что-то – видел.

– Но что именно… не расскажешь?

– Нет.

Особенная архивная тишина потягивается, расправляет плечи и встает во весь рост. Рыцуцики перебрасываются взглядами, как они это умеют. А я пытаюсь сморгнуть два желтых треугольника, которые обосновались у меня на периферии зрения с левой стороны.

Хотя вроде бы осознаю, что галлюцинации сморгнуть невозможно.

В голове у меня двумя тяжелыми льдинами сталкиваются мысли: «Знал же, что будет вот так» и «Я не я, если не заставлю их на меня поработать».

Еще раз протираю глаза, уже, наверное, не столько серые, сколько розовые от лопнувших сосудов, и говорю:

– Пока вы раздумываете, как бы так заменить слова во фразе «пошел вон», чтобы получилось этичненько, я сделаю вам одолжение – продемонстрирую, как вы могли бы использовать свои таланты, если уж решили помочь пиджакам. Но для начала вот что… Инхо, ты явно что-то тискаешь потной ручонкой в кармане. И я думаю, что, учитывая твой этический статус, это могло бы быть «жало». Вот только все студенты Песочницы, у кого они были, законопослушно сдали их на временное хранение пиджакам – кроме Стрелка, конечно… А значит, скорее всего, это ампула с быстродействующим седативчиком. Отламываешь кончик, активное вещество улетучивается, растворяясь в воздухе, – и вот мы уже

все здесь вялые, сонные и вполне умиротворенные. Угадал?

Неохотно кивнув, Инхо вытаскивает руку из кармана. Кажется, он рассчитывал оставить свою подстраховочку в секрете.

– Предусмотрительно, хотя и не очень надежно. И сегодня в любом случае не пригодится. А теперь к интересному. Юна, у тебя же, насколько я знаю, орфический слух?

Она заинтересованно кивает.

– Редкий дар и большие возможности… Вот, например, задай мне такой вопрос, чтобы я мог ответить на него только правду.

Задача не очень трудная, и все же Юна довольно долго молчит, постукивая пальцем по кончику длинного носа.

Желтые треугольники на периферии зрения наконец исчезают.

Но не горбиться, держать прямо голову с тяжеленным медным хвостом и улыбаться так, будто происходящее меня забавляет, становится все сложнее.

Зачем я продолжаю это сомнительное представление, когда можно просто выйти из архива, отправиться в свою комнату и принять самую удобную позу – позу эмбриона?

– Опиши, пожалуйста, подробно, во что ты сейчас одет, – дозревает Юна.

Это, конечно, не совсем вопрос. Скорее, задание. Но мне понятен ход ее мысли: тут невозможно буркнуть что-то односложное, отвечать придется развернуто.

Что ж, думает она в правильном направлении.

– А это будет даже весело. Итак… на мне темно-серые бууты на высокой подошве. В них установлены терморегуляторы, так что даже в самую холодную погоду мои ноги в тепле, а сейчас, например, им не жарко. Но, на мой взгляд, самое замечательное в этой обуви – удивительной красоты швы, сделанные оранжевой нитью. – Я вытягиваю ноги вперед, чтобы все желающие могли убедиться в точности описания. – Поднимаемся выше. Брюки цвета пыльной травы. Не настолько широкие, чтобы смотреться мешковато, но и не настолько обтягивающие, чтобы раскрыть сразу все секреты моей анатомии. Еще выше – свободный светло-серый шелухай с мягкой подкладкой и легкими металлическими вставками а-ля фрагменты доспехов. С изнанки у всех вещей имеются авторские бирочки Домны Кар_Вай. Показать? – Я начинаю стягивать шелухай через голову и даже успеваю продемонстрировать рыцуцикам кусочек своего торса, прежде чем Юна меня останавливает.

– Не надо, я услышала. Все, что нужно… наверное. А теперь мне задать вопрос, в ответ на который ты обязательно соврешь?

– Точно.

Она задумчиво колыхает темным облаком волос.

– Это сложнее, хотя… Вот. Да, то, что нужно, мне кажется… Расскажи, пожалуйста, про свой главный страх.

Передо мной вспыхивает улыбка я-второго. Желтые тре-

угольники снова начинают дрейфовать на периферии зрения. Я несколько раз пропускаю рыжие пряди сквозь пальцы, дожидаясь, пока успокоится пульс, рванувший, будто спринтер на соревнованиях.

– Да, это… неплохой выбор. Чего же я больше всего боюсь? Мотыльков? Нет, надо что-то позаковыристей… А, знаю. На меня страшную жуть нагоняют хороводы. Как представлю этот круг синхронно двигающихся людей в разноцветных тряпках… Ух, даже по загривку холодом потянуло! Но где же я мог подцепить такую странную фобию? – подумаешь ты. Сейчас расскажу. Однажды родители решили сводить меня на реконструкцию осенней ярмарки…

– Все, все, я думаю… да, я уловила. А теперь скажи еще раз, чего ты хочешь. В смысле, от этой встречи, от нас… Ты действительно хочешь объединиться для поисков Стрелка? Это не уловка, чтобы добиться чего-то еще?

Сообразительная девочка, подсказывать не пришлось. Не зря она меня всегда бесила меньше, чем остальные рыцуцики.

– И снова правильные вопросы. Да, я правда хочу только этого – сотрудничества в поисках Стрелка. Это не уловка и не отвлекающий маневр. Я понял, что той информации, которую можно выловить из Ноо, мне не хватит. Нужна еще и та, которую кто-нибудь доверчиво выболтает Инхо. И та, которую можешь получить только ты, с этим твоим слухом. И то, что хомопластик Венц способна узнать о человеке по

его движениям. Даже странно, на самом деле, что при всех своих талантах вы до сих пор его не нашли… Может, вам как раз не хватало умного и злого меня. Сейчас, правда, скорее уставшего и раздраженного. Ты достаточно услышала, Юна?

– Достаточно, да. Но ты… ты ведь осознаешь последствия того, что дал мне эти… пробники?

И ведь она всерьез. Глаз черносмородиновый блестит почти сочувственно. Второй, наверное, тоже, но из-за волос мне его не видно. Несмотря на тяжелую голову и острое желание надавать почти всем присутствующим пинков, я хихикаю. Не вымученно, по-настоящему. Потому что Юна меня действительно насмешила.

– Ты… ты правда волнуешься, осознаю ли я, что мне теперь будет сложновато тебя обмануть? Это даже… мило. Не переживай, и в Песочнице, и в мире осталось вполне достаточно легковерных сли… людей. Мне хватит.

Она еще раз задумчиво стукает кончиком пальца по носу. Как будто по камертону. И некоторое время слушает какой-то ей одной доступный звук. Потом говорит:

– Ну, вы же поняли, да? Я не точный прибор, и я не знаю, о чем он умолчал. Но то, что было сказано в ответ на первый вопрос и в ответ на третий… звучало очень похоже.

– Да сол-л-леный мармелад, дело ведь не только в том, насколько искренне он хочет нас использовать! – Рур возмущенно протыкает воздух острым подбородком. – Но и в том, хотим ли мы вообще иметь дело с ним и с этим его искрен-

ним…

– Хватит. Я понял. Дальше неинтересно.

Я поднимаюсь из кресла, тяжеловато, но достаточно уверенно. Снова тру глаза, теперь уже точно красные.

– Подожди, Эф_Имер. Дальше может быть как раз интересно. Ауш-ш-ш… – Венц импульсивно взмахивает рукой, на которую до этого успела намотать косу. Кривится, но продолжает: – Мне, например, как будущему хомопластику, раз уж ты это упомянул, очень даже интересно то, что я наблюдаю весь вечер. Замедленные движения, мелкие мышечные спазмы, проблема с фокусировкой взгляда… Проблемы со сном? Давно?

Отвечать я не собираюсь. И успеваю сделать пару шагов к выходу, когда она говорит кое-что… совсем уж возмутительное.

– Я бы посоветовала… Нет, лучше вот так: если тебе на самом деле необходимо искать Стрелка в нашей компании – подстригись. Чтобы прямо голая черепушечка. И будет тебе союз.

Друзья смотрят на Венц, кажется, даже с бóльшим удивлением, чем я. Инхо открывает рот, но сразу же закрывает, так ничего и не сказав. Юна приподнимает уголки губ и задумчиво кивает. Белый, к моему удивлению, кивает тоже. А Рур прыскает:

– Огонь, Нишка! И этично, и практично. Он же никогда не согласится.

Я провожу рукой по роскошному хвосту, который ращу с восьми лет, и спрашиваю Венц:

– Но почему именно… Что, по-твоему, это будет значить?

– Немного меди. И залог, и жертва, – океаническим голосом гудит вместо нее Белый.

Венц же отвечает так, как часто делаю я сам, – пожимает плечами. Возможно, у нее и есть какие-то профессиональные причины ставить мне такое условие. Но все же более правдоподобной кажется версия Рура – это сказано для того, чтобы меня взбесить. Взбесить аккуратно, дозволенным способом. Оставляя мне видимость выбора.

Я выхожу из архива без единого слова. Потому что сказать, что я о них думаю, всегда успеется. Однако сначала надо решить: готов ли я вывернуть эту ловушку так, чтобы вместо меня в ней оказались они сами?

Добравшись до своей комнаты, я сворачиваюсь клубком на кровати. Но через несколько минут вскакиваю на ноги, едва почувствовав, как гостеприимно распахиваются объятия сна. Скорее всего, очередного кошмара. Нет уж, пускай мухи и кости подождут меня еще немного.

Я начинаю вписывать шагами сложные геометрические фигуры в экономный прямоугольник комнаты.

Пытаюсь представить себя со стороны. Ничто в моей фигуре не напоминает о рельефах архаичных статуй. Что, впрочем, не мешает мне гордиться ее легкостью и поджаростью. Так же, как и чуть раскосыми светлыми глазами. Хотя встре-

ча с я-вторым показала, что на самом деле взгляд у меня не слишком приятный. А вот хвост медных волос, спускающийся ниже лопаток… это и правда яркая черта. Делающая меня заметным еще до того, как я открою рот.

Но я, Вольга Эф_Имер – ведь не исчерпываюсь же эффектной прической? Даже если говорить не о внутреннем, только о внешнем?

Вопрос притворяется риторическим. Но внутри него, как воины в осадной башне, прячутся другие вопросы.

Хочу ли я, чтобы обо мне говорили «тот, с рыжим хвостом»?

Что во мне станет первым привлекать внимание, если он исчезнет?

Не слишком ли много времени я трачу на то, чтобы поддерживать его шикарный вид?

Осталось ли во мне хоть немного куража и легкости после бурой равнины и неторопливого ножика?

Я щелкаю замочком на серебряном кольце – и выпускаю волосы на свободу.

Взгляд Венц, когда я подхожу к ней перед лекцией и кладу на колени хлопковый мешок, в котором с трудом помещается медный ворох, почти примиряет меня с потерей.

– Не голова, конечно. Но можешь привязать локон на пояс – все равно трофей.

– Ого, прямо блестит. – Она разглядывает мой и правда

сияющий череп. – Использовал крем, которым щетину удаляешь?

– Сначала ножницы, потом его, да.

Она зачем-то встряхивает мешок и, кажется, принюхивается.

– Пойду положу в утилизатор органики. И раз уж жертва, – она кивает на то, что еще недавно было моей прической, – принесена, будем ждать тебя на том же месте в тот же час.

Венц дергает себя за косу, соскакивает с подоконника и, похоже, действительно направляется к утилизаторам.

А я иду на лекцию. Голове непривычно легко. И в целом, как ни странно, тоже легко. Хотя, казалось бы, меня должно угнетать то, что я принял слизнячьи условия. Подчинился. Преклонил, так сказать, колено.

Но почему-то не угнетает.

Наоборот, я предчувствую множество маленьких удовольствий: буду слушать, как забавно выражается Белый, подмечать болевые точки Инхо, которые пропустил раньше. Может быть, даже узнаю, что такое эти звуковые вышивки Юны Юны. Но главное – я теперь могу использовать способности рыцуциков для того, чтобы вычислить Стрелка. А они не могут отказаться от союза со мной, не предав своей возлюбленной этики.

И это все, конечно, прекрасно. Если только не задумываться о том, что недавно я считал союз с рыцуциками бессмысленным, а общение с ними – утомительным.

Совсем не задумываться не получается. Зато прекрасно получается пожимать плечами – этот навык у меня отработан годами тренировок.

Что ж, я не первый и не последний человек, поменявший свое мнение. Хотя лучше бы это не сопровождалось такими заметными потерями… Я несколько раз провожу рукой по непривычно гладкой голове. Хорошо еще, что у меня прекрасная форма черепа.

Весь день на меня косятся. Но никто не решается высказаться достаточно громко, чтобы я услышал. И только Павла Имберис в очередной раз подтверждает статус самого занятного из менторов. Глядя на мою сияющую макушку, она задумчиво выпевает:

– Бритый череп, темный миф, дальний левый угол в истории литературы… А не рассказать ли вам о Вене Никаком? В конце концов, есть ли разница, каким сортом пудры я буду сегодня пудрить ваши юные мозги? Вам же, дружочки, любой сорт подойдет?

Собрав обильный урожай кивков, она продолжает:

– Как вы знаете, Перелом – это довольно-таки фантастический период в нашей истории, мучительный и яркий, по уши набитый страхами и вызовами. И вот это необыкновенно высокое напряжение каждый снимал в меру способностей. Но продуктивнее всего, мне кажется, получалось у людей игры и людей карнавала. Помните, я им в прошлом году целую лекцию посвятила? Кто помнит, у того пока что

нет оснований жаловаться на память. Так вот, эти самые люди игры и карнавала старались сделать Перелом временем… несколько более пригодным для жизни. Хотя получалось не у всех. Но согласитесь, было бы гораздо страньше и удивительнее, если бы прямо у всех получалось… Так вот. Дружили, к примеру, два поэта: Феофан Аэд – да, тот самый, наш – и Венедикт Никакой.

Имберис улыбается куда-то поверх наших макушек, как будто на пустых задних рядах сидит и слушает ее сам герой лекции, а потом продолжает:

– Тут нужно понимать, что «Никаким» он назвался не в смысле отсутствия свойств, а как раз наоборот – в том смысле, что свойства его личности бесчисленны и непостижимы. И, разумеется, у обоих друзей сильно болело это их переломное время. Но болело очень по-разному. Феофан Аэд, как вы знаете, смешивал в своих поэмах слова и химические формулы. Что, конечно, смело… но, как честная женщина, скажу вам – неудобочитаемо. И тем не менее из этой его «стихимии» другой гений чуть позже вытащил идею промхитина. Благодаря чему, собственно, имя Феофана Аэда не ушло мелким камушком в нижние слои Ноо, а торжественно привинчено к нашему славному зданию и еще к паре-тройке улиц в разных городах. В отличие от имени Венедикта Никакого, которое не привинчено ни к чему. Хотя читать и понимать его нам гораздо проще, поскольку он смешивал слова только со словами. Правда, не особенно заботясь о том,

насколько взрывоопасной может получиться эта смесь.

Обычно на лекциях Павлы Имберис я не отвлекаюсь. Но в этот раз, несмотря на тему, выбранную отчасти в мою честь, я слушаю не слишком внимательно. Больше наблюдаю за рыцуциками. За тем, как здоровяк Белый практически забывает дышать, полностью поглощенный историей, которую выплетает из слов ментор. Как Венц задумчиво водит кончиком косы по нижней губе. Как Рур азартно вылавливает из Ноо факты, пытаясь поймать Имберис на незнании каких-нибудь мелких деталей. Вроде того, какого цвета кофта была у Никакого на его первом публичном выступлении. Но, естественно, получает в придачу к своему запросу ворох других фактов, столь же незначительных, но ярких. А потом ментор еще и ловко подбивает Рура на выразительное чтение стихов. И они ему, пожалуй, в чем-то идут – так же торчат острыми углами во все стороны.

Некоторые строчки даже меня цепляют, как неловкий локоть в толпе. Вот эти, скажем: «Мир шелестит абьюзерами в цвету, и выбирает идеи: „Еще вон ту, поамурзительней, при боевых когтях, с ней целоваться – словно топить котят“…»

Я делаю очередную попытку вникнуть в лекцию.

– В то время с формой как только не экспериментировали. Но как раз Веню Никакого классическая форма вполне устраивала. Гораздо больше его занимали взаимоотношения поэзии и реальности. А еще – творческой личности и ее персонального мифа. Пристально и… ммм… невеликодушно

разглядывая биографии некоторых всенародных любимцев, можно подумать, что тонкими материями, хрупкими, горькими, нежными переплетениями слов они порой прикрывали мелочность, тщеславие, слабость. Жестокость. Что само по себе никакой еще не повод для «фи», но это вы и так знаете, дружочки, вас же учат мыслить широко. На самом деле гораздо печальнее, когда перечисленное и прикрыть-то нечем…

Павла Имберис делает паузу и задумчиво крутит на пальце крупное кольцо, сплавленное из нескольких асимметричных треугольников.

Я снова смотрю туда, где сидят рыцуцики, и неожиданно пересекаюсь взглядами с Венц. А взгляд у нее такой… будто взяла она последнюю фразу ментора, сложила ее самолетиком и отправила прямо мне в лоб.

Хорошо быть человеком с фантазией. Но иногда хочется убрать свое воображение в маленький ящик с большим замком и доставать только при необходимости.

Я снова принимаюсь ловить потерянную нить рассказа.

– …скорее обратная – он вдумчиво создавал себе образ лихого отщепенца, в то время как на самом деле был… На самом деле Веня Никакой был довольно-таки мягким человеком. Сильно переживающим. И сопереживающим. О чем, правда, к концу его жизни уже почти никто не догадывался. Даже Аэд в какой-то момент отошел в сторону – и больше не подходил. Хотя, надо признать, он долго продержался: вы-

таскивал Никакого за шкирку из саморазрушительных эскапад, одергивал, когда тот чересчур задавался. Просто ходил с ним по улицам и говорил о поэзии. Но, как я уже сказала, однажды и он перестал различать: когда Веня настоящий, а когда… дает представление. – Ментор звонко чихает в серебристый вельветовый рукав и продолжает. – Вероятно, тот и сам в какой-то момент потерял эту границу и больше не смог ее нащупать. Есть, знаете, у темного мифа такая особенность – рано или поздно он пожирает своего создателя. Тут, правда, еще дамочка одна посодействовала. Дамочки – они часто содействуют, работа у них такая. Нет, я не про женщин, если что, я вот именно про дамочек. Как бы вам, чтобы понятнее… Да, наверное, никак не надо. Этически сомнительно. К тому же, знаете, сейчас уже трудно сказать, насколько Веня сам искусил Раю Онаши искусить его…

Ментор опять крутит кольцо на пальце, каким-то очень юным жестом ерошит пепельный ежик волос и декламирует:

– Волосы пахнут лавровым листом,
мрамором пахнут скулы.
Я, как страница, где текст «про то» —
ты бы перелистнула.
После вернулась, и, закусив
краешек одеяла,
пальцы запутывала в курсив.
А напоследок – смяла.

Что ж, лично я не вижу никакой несправедливости в том, что этого Веню в историю литературы пустили только в массовке потоптаться. Но вот что меня действительно впечатляет, так это метаморфоза, произошедшая с голосом ментора Имберис во время декламации. Обычно суховатый, он обрел глубину и даже контрабасовой какой-то струной завибрировал.

Я вдруг понимаю, что до сих пор ни разу не задумывался: а как эта занятная тетка живет вне Песочницы? Одна или с кем-то? Мужички ей нравятся или феминки? И те, и другие? Или ей нравятся только мертвые поэты и прочие архаичные орфы? А может, у нее, скажем, целый выводок детей, а то и внуков? И она рассказывает им на ночь черные-пречерные мифы… Или, наоборот, сплошь истории про светлых и благоразумных? Интересно, будь я ее внуком, что она рассказывала бы мне?..

Увлекшись вариациями жизни Павлы Имберис, я благополучно упускаю, чем там все закончилось у Вени Никакого. Хотя подозреваю, что, по замыслу ментора, должен был извлечь из его истории полезную для себя мораль. Но вот печаль – мораль как-то не извлеклась.

Утренняя легкость покидает меня быстро. После лекции Имберис хочется махнуть на все рукой и пойти досыпать. Так бы я, наверное, и сделал, если бы не встреча в архиве. К счастью, она приближается стремительно. Будто чьи-то умелые пальцы складывают день, как оригами.

И он, наконец, складывается.

В архиве все так же лежит толстыми ломтями густой уютный свет. На этот раз я прихожу первым. Трогаю стеклянные саркофаги книг, плюхаюсь поочередно в каждое кресло-каплю. Смотрю на свое отражение в окне. Черепушка у меня все-таки красивая. И тем не менее надо будет выйти завтра в город за какой-нибудь забавной шапкой – голова с непривычки мерзнет.

Я уже успеваю заподозрить, что никто не придет, когда Тимофей и его команда появляются на пороге.

Облокотившись о стену, я жду, когда все найдут себе места. Поза получается чересчур картинной – как будто я пытаюсь вписаться в фантазию пубертатной девицы. Немного разозлившись на себя, я ногой подтягиваю ближайшее кресло и с удовольствием роняю в него тело. Некоторое время длится молчание. Не то чтобы совсем ядовитое, но и к приятным разновидностям не относящееся. Намолчавшись, Инхо вздыхает:

– Итак… чем быстрее мы начнем что-то говорить – желательно по делу, – тем быстрее эта ситуация из очень странной превратится в просто странную.

– Согласен, – киваю я. – У меня новая прическа, у вас – свеженькая мотивация соображать быстрее. Поэтому давайте поговорим о подозреваемых. У вас уже есть кто-то?

– Хм… Все мехимерники Песочницы? – тоном приятным, как ангина, тянет Венц.

– Включая меня?

– Пока что – исключая.

Она перекидывает косы за спину и добавляет:

– Но если ты хочешь, чтобы мы обсудили и такую возможность, мы обсудим.

–Я, конечно, нежно люблю абсурд, однако сейчас как-то нет настроения участвовать в безумных сценках. Так что, с вашего позволения, давайте меня исключим из подозреваемых. Хотя бы *пока что*. И, если у вас есть какой-то список, рейтинг – что-то в этом роде, то я бы переместил Лору Афейну в его конец. Опять же, пока что.

– Почему? – любопытствует Юна.

– Потому что в ее жилах течет кровь великанов. В смысле, она дылда. А единственное, что я успел разглядеть перед тем, как… потерять сознание – это определенно невыдающийся рост того, кто меня подстрелил.

–И если мы в это верим, а нам, видимо, *пока что*, придется… Тогда остается шесть человек. Считая ментора Ро, – подводит итог Инхо. – Или даже еще меньше, потому что…

Но я качаю головой и перебиваю его:

– Пиджаки тоже умеют считать. И из шести они бы уже наверняка сумели выбрать одного. Или я совсем не понимаю, чему их там учат, кроме как изображать проницательность. Так что я бы не стал исключать возможность, что среди студентов есть мехимерник, скрывающий свой талант.

– Не каждого ли тестом выявляют? – Белый неожиданно

изящно поднимает широкую бровь.

– Обычно – да. Но мы говорим о личности необычной.

– Предлагаешь записать в подозреваемые всю Песочницу, включая менторов? – щурится Рур.

Я привычно пожимаю плечами.

– Предлагаю не зацикливаться на шести мехимерниках и рассматривать все варианты. Кроме, пожалуй, такого, где я пытаюсь вычислить сам себя.

Внезапно как будто капель барабанит по металлическому листу – кому-то пришло сообщение на вестник.

Рур тянется к сумке, вытаскивает кубик, как-то резко смурнеет и говорит:

– Это Аль. Надо ответить. Я сейчас… Перескажете потом, если я пропущу что-то интересное.

Инхо треплет его по плечу и провожает взглядом, а потом тянет себя за мочку уха и поворачивается ко мне:

– Начать все равно логичнее с пяти твоих будущих коллег и вашего ментора.

– Да я и не спорю. Логичнее. Процедить Ноо на предмет какой-нибудь интригующей мелочи в их профилях, которую пиджаки могли не заметить. Пригласить на чашку меффа. Очень внимательно слушать. Разболтать о себе что-нибудь провокационное… хотя о чем это я – сначала вам придется придумать о себе что-нибудь провокационное, а только потом разболтать. И снова очень внимательно слушать. И…

– И все это будешь делать не ты? – В мягкой улыбке Венц

прячется лезвие. – Спасибо, маэстро пошаговых инструкций. Но мы и без твоих ценных указаний уже пообщались кое с кем из мехимерников. Илья Сансэ извинялся каждый раз, когда чашка, как ему казалось, чересчур громко звякала о блюдце, – раз пятнадцать примерно. А в промежутках между извинениями мы обсудили красоту и удобство новейшей архитектуры, разницу между тремя рецептами домашнего пирога с римляникой и самый комфортный для обеих сторон способ подстричь когти коту. Или он гениальный актер, или это не тот мехимерник, который нас интересует. И скорее всего, второе.

Я киваю. Сансэ и мне всегда казался слизняком повышенной мягкотелости. А у персоны, создавшей то, с чем я столкнулся, хребет точно имеется. Можно ли скрывать такой все время? Не исключено… но и не слишком вероятно.

– А еще я поговорила с Кассиани, – вступает Юна. – И она звучит очень… целостно. Без, знаете… без серьезных трещин. Мелкие-то у всех есть, но чтобы взять и кому-то навредить… нужно, чтобы была хотя бы одна крупная, – глаза из темного облака волос сверкают в мою сторону. – То есть не обязательно, что если человек звучит не целостно, он… злой. Те, кто обо всех переживает, часто звучат так же. Но я уверена… почти уверена: человек, который звучит, как Соня, ни в кого стрелять не будет. Ему это не нужно. То есть, ей не нужно.

– Очень любопытно. Жаль, что проверить нельзя… Но до-

пустим.

Я автоматически тянусь пропустить между пальцами хвост, как обычно делаю, когда размышляю. Но на этот раз приходится пропускать между ними пустоту.

– Еще кто-нибудь с кем-нибудь что-нибудь?..

В этот момент возвращается Рур, и мне кажется, что он как будто стал меньше ростом. Но это впечатление испаряется, когда по пути к своему креслу он зарывается носом в шевелюру Юны, подпрыгивает, используя плечо Белого в качестве опоры, и стукает в воздухе одним буутом о другой. Потом плюхается в гелевую каплю и вопрошает:

– А чего все притихли? Эф_Имер успел что-то ляпнуть, пока меня не было?

Инхо снова кладет руку ему на плечо. Но отвечает не на его вопрос, а на мой:

– Я поболтал с Деми Доми.

Разумно. Не считая меня, кудрявый позер – самый мутный среди недозрелых мехимерников. Любитель напустить туману даже в ответ на вопрос «который час?».

– Говорил он много, и при этом не сказал ничего. Насколько я знаю, Доми всегда такой, но я все-таки надеялся дотянуться до чего-то настоящего… Пока не получилось. Видимо, его тоже надо поручить Юне. Что скажешь, Ю-Ю? Попробуешь поговорить с ним так же, как вчера с Эф_Имером? Ну, не так очевидно, само собой.

Юна кивает.

– Попробую. Хотя до вчерашнего дня я не применяла это… так. Но попробую. Только вы же понимаете, это все-таки не химический анализ: столько-то процентов правды, столько-то вранья, а еще в незначительных количествах присутствуют ложная уверенность и элементы сомнения.

– Ничего, – отвечает Инхо, – если не получится, придумаем другой способ его проверить. Что еще… а, да – еще Феликс гулял с Афейной.

– Эф_Имер же предлагает ее исключить… Или нет, как он там сказал? Поместить в конец рейтинга, – отзывается Рур, почесывая острый локоть и демонстративно не глядя в мою сторону. – Или мы все-таки будем с Эф_Имером спорить? Хотя бы иногда. Я, правда, за время прогулки не услышал от нее ничего подозрительного. Но готов прогуляться еще раз… или даже не раз.

– Если хочется – гуляй с ней столько, сколько сочтешь нужным. Ради дела, ради тела – кстати, действительно выдающегося – мне без разницы. Главное, по сторонам смотри почаще. В твоем случае надежда больше на счастливую случайность.

Рур явно хочет что-то мне ответить, но сидящий рядом Инхо легонько тянет его за мочку уха, как часто тянет себя. И Рур только поджимает губы.

– А сам-то ты чем планируешь нам помочь? – интересуется Венц.

– Я? Я уже отправил мехиментору заявку на индивиду-

альное занятие. Так что в ближайшее время мне предстоит сыграть роль примерного ученика… Ну и задать ему пару профессиональных вопросов с подвохом.

Отчасти это блеф. Я пока не знаю, что такого можно спросить у мехиментора, что помогло бы выяснить, не он ли отстреливает учеников в свободное от работы время.

– Кстати, стало бы гораздо проще, если бы мы поняли, какой у Стрелка мотив, – перевожу я тему.

– Так ты же у нас специально приглашенный эксперт по насилию и агрессии, – тут же цепляется Рур. – Вот и проясни для нас мотив.

– Моя… экспертность в этих сферах сильно преувеличена.

– Тобой самим. Всего лишь день назад, – напоминает Белый.

Возразить нечего. Поэтому я просто молча пожимаю плечами.

– Значит, сегодня мы вряд ли можем быть полезны друг другу чем-то еще. Когда ты планируешь поговорить с Ро? – спрашивает Инхо.

– Завтра. Послезавтра. Когда у него найдется время.

– Тогда… скажем, через три дня встречаемся здесь же и обсуждаем: кто что выяснил, понял, услышал, сообразил или проинтуичил. Надеюсь, хоть какая-то зацепка нарисуется.

Мне, стало быть, кивают в сторону двери.

И на первый раз действительно достаточно. А то я уже на-

чинаю мечтать о специальной баночке, куда можно сплевывать яд.

– Ну, тогда приятно вам обсудить меня в мое отсутствие.

Я закрываю за собой тяжелую, будто из настоящего дерева, дверь. Прислоняюсь к ней спиной и непривычно голым затылком. В конце коридора появляется мехозяйка Песочницы. Она с достоинством перебирает короткими лапками, втягивая накопившуюся за день пыль. Изящный орнамент на промхитиновых пластинах переливается всеми оттенками синего.

Симпатичная.

Но мой Луу будет лучше.

В этой части истории я ощущаю первые предвестники эготрясения. Нет такого слова? Ну, вот теперь, значит, будет

На моей голове лежит солнечный заяц. Такой жирный, что в более гастрономически вольные времена он просился бы в солнечное рагу. А сейчас – разве что в солнечный заповедник. Вместе со всем этим утром, неправдоподобно ярким для самого серого месяца в году. Нет, серьезно, такое солнце в ноябре – это вообще законно? Или все же относится к какому-нибудь разряду запрещенных веществ… то есть запрещенных явлений?

Помимо солнечного утра у меня есть и еще один повод для улыбки – ночь выдалась удивительно спокойной, кошмары взяли отгул. Как же приятно снова чувствовать себя выспавшимся!

Я влезаю в крупночешуйчатый свитер с дырками, сквозь которые можно разглядеть кусочки карты звездного неба, и отправляюсь завтракать. Чтобы не нарушать внезапную лучезарность бытия – не в Кормушку Песочницы, где будут сплошь знакомые рожи, а в какую-нибудь по-утреннему тихую орфейню. Хочется немного оттянуть тот момент,

когда нужно будет держать лицо, держать удар, держать ответ… Чаще всего мне это в удовольствие, да. Но иногда хочется побыть просто парнем без репутации, у которого нет забот, кроме одной: угадать, какой из предлагаемых наборов белков, жиров и углеводов – самый вкусный.

Наверное, именно поэтому я захожу в орфейню «Роса. И_рис». Не то чтобы мне так уж нравилась ня-кухня, зато я здесь раньше никогда не бывал. А значит, перспектива безмятежного завтрака вырисовывается вполне отчетливо. К тому же и интерьер не вызывает раздражения. Лаконичный, без пестроты и душной экзотики: штук десять столиков из тонкого промхитина, который выглядит точь-в-точь, как бумага. На светло-серых стенах – цепочка маленьких черно-белых рисунков. Если присмотреться к ним повнимательнее и проследить за сюжетом, можно понять, что это довольно суровое, но красивое моралите, где Щедрость борется со Скупостью и в конце концов побеждает. Довершает картину многолапая кулинарная мехимера киноварно-красного цвета.

Может, не вполне идеально, но придираться я не настроен. Наугад выбираю из меню нечто с овощами и витиеватым названием: «То, что осень вплетает в волосы ветра». Не слишком дорогое. Респы, которыми снабжают меня родители, уходят быстро, а свои у меня вряд ли заведутся, пока я не стану действующим мехимерником.

Людей для утреннего времени многовато. Неужели Ман-

тикорьевск накрыла очередная волна ня-любви? Или у лаконичных интерьеров больше поклонников, чем я предполагал?

И только когда панели на одной из стен с легким треском раскрываются стилизованным цветком и превращаются в сцену, я понимаю, что ожидается представление. В орфейнях это обычное дело – но, как правило, вечерами. Очевидно, «Роса. И_рис» решила прогнуться в поклоне перед любителями завтракать красиво. Может, я к таковым и не отношусь, но небольшое развлечение в качестве добавки к пресноватому, надо сказать, кушанью меня вполне устраивает.

Ровно до того момента, когда на сцену выходит Слава Па.

Вот и все, хрупкой почти-идеальности этого утра настал каюк.

Мне даже просто знакомые лица видеть не очень хотелось. А это – не просто знакомое лицо. Это жалкое лицо слизняка, который обязательно вздрогнет и спрячет ладони в рукава, если меня заметит.

Пока, правда, не замечает. Слишком занят настройкой чего-то архаичного, но явно предназначенного для извлечения звуков. А потом – игрой на этом инструменте. И пением.

Как ни странно, больше в орфейне ничего не происходит. Ни тебе тщательно выстроенной цепочки сменяющих друг друга запахов, ни блуждающих по стенам многозначительных бликов и мерцаний. Ни даже танцующих на стойке фантомных журавликов. Просто тощее существо и доска с натя-

нутыми на нее струнами, из которых оно старательно выщипывает, выглаживает и выстукивает музыку.

Но вот голос… Наверное, все дело в его голосе.

На меня почти сразу накатывает ощущение, что в нем звучит равнина, покрытая жесткой бурой травой. И стремительно текущие над этой равниной облака. И поджарая улыбчивая тень, которая неспешно приближается от горизонта.

Меня передергивает.

Я пытаюсь вслушаться в слова – но они оказываются совсем не о том. Какой-то огонь, какой-то пепел, какой-то учитель. И слезы, кто бы сомневался. Ничего общего со сдвоенным блеском улыбки и маленького острого ножика.

И все же ледяные муравьи ползут по моему загривку. А значит, что-то общее есть.

Кто сказал, что неизбежность всегда подходит тяжелым каменным шагом? Вот же, у нее упругая шелестящая походка. И светлый рептильный взгляд. А вот падают капли-минуты. Прямо по лбу. И в каждой заключено то, что невозможно вытерпеть. Только, оказывается – возможно…

Но как Па может об этом петь, если с ним ничего подобного не случалось?

Или… случалось? И случается каждый раз, когда он встречается со мной?

Нет, нельзя сравнивать. Я не такой, как тот. Да, я люблю злые шутки, я бешу, я вывожу из равновесия… Но хладнокровное живодерство – это же не про меня?

Нет, не хочу об этом. Потом.

А лучше – никогда.

Так значит, Па – орф? Почему же тогда он так часто проваливает хомопластику?

Мне вспоминается, как беспомощно он пытался связать хотя бы два-три движения на том практикуме, и как все рассыпалось. Я тогда обвинил его в издевательстве над музыкой, но сейчас… Сейчас я бы сказал, что он издевается *с помощью* музыки.

Я оглядываюсь по сторонам. Смотрю, как реагируют на это выступление другие.

Вот сутулый, как будто прячущий под рубашкой недоразвитые крылья, мужчина рассеянно чешет нос.

Вот внезапно моя будущая коллега, белокурая и темноглазая Марта Вай_Нон. Лениво ковыряется в тарелке и смотрит поочередно то на сцену, то на свой развернутый кубик.

Л-л-лысый мантикор, выбрался, значит, позавтракать в тихом спокойном месте… А тут как будто филиал Кормушки!

Вот девочка сидит с закрытыми глазами и нервно пощипывает запястье.

Вот две кумушки неопределенного возраста переглядываются, посылая друг другу беззвучные сигналы: «Ого!» – «Да не то слово!».

Вот парень, похожий на ушастого раскосого кошака, наворачивает стеклянную лапшу с таким аппетитом, что мне

одновременно и тошно, и завидно.

Похоже, для большинства это все-таки просто музыка. Просто песня.

Меня же голос Славы Па продувает насквозь. Недавнее умиротворение стремительно прокисает, горчит и сворачивается. Мысли становятся какими-то… тухлыми.

Как будто я-второй довел-таки свою работу до конца и оставил меня лежать на жесткой бурой траве. Падалью, которая осознает, что она – падаль.

Почему я до сих пор сижу и слушаю? Прикрыв глаза переплетенными пальцами и чувствуя, как они подрагивают. Позволяя бесцеремонной музыке сдирать корочки с того, что и зажить толком не успело. А может, никогда и не…

Я не додумываю до конца. Вместо этого поднимаюсь, влезая попутно локтем в недоеденные овощи. И сбегаю из «Росы. И_риса», куда столь мудро не ступала раньше моя нога.

Лучше уж Песочница – отстраненная, предсказуемая, живущая по графику. Давно исчерпавшая все способы меня разочаровать.

Перед лекторием, где проходит занятие по органической химии, мы пересекаемся с Инхо. Он коротко кивает, я киваю в ответ. Маленькие жесты доброй воли, скрепляющие не самый надежный союз. В остальном пульс учебного дня бьется ровно и знакомо.

Пока я не решаю заглянуть на практикум по каллиграфии.

В моем расписании он отмечен как необязательный – то

есть его можно пропустить, не рискуя потерять баллы. Но каллиграфия всегда меня уравновешивала. А начало дня выдалось такое, что после него как раз хотелось слегка уравновеситься.

Если бы я подумал чуть подольше, то наверняка вспомнил бы, что утренний кенарь Слава Па тоже любит каллиграфию. И практически никогда ее не прогуливает.

Впрочем, и сейчас, когда я замечаю среди других студентов его нелепую прическу и бледное вытянутое лицо, еще не поздно уйти. Но сбегать отовсюду, где он появится… глупо, трусливо и не похоже на меня.

Хотя он, пожалуй, был бы только рад. Наши глаза встречаются, и Па автоматически втягивает руки поглубже в рукава.

Я увожу взгляд в сторону. Вытаскиваю многоразовый лист из середины стопки. Долго и придирчиво выбираю перо. Толщина, жесткость, легкость – все должно соответствовать настроению.

Мне срочно требуется немного отрешенности. Исключенности. Чтобы перо вывело меня из круга суеты и поставило в тихий угол. Или нет, не в угол – в белое снежное поле, по которому танцует черный ветер. Свивается в кольца, замедляется, останавливается совсем, рассыпается брызгами, бросается сломя голову то в одну, то в другую сторону, крутится, выкидывает коленца, снова притихает, скользит широкой лентой, все более неспешный, все более утомленный, рассеянный… И, наконец, иссякает.

Сплясано, надо признать, головокружительно и весело. Ни разу черный ветер не сгущается в улыбчивую тень с ножиком. Ни разу не пинает меня по сердцу каким-нибудь иным образом.

Ну, а каллиграфия, как я и ожидал, из этого танца выходит посредственная. Даже чуть хуже обычного. В конце концов, я ведь мехимерник, а это забава скорее для орфов.

Кстати, о них. Ментор Ася Талатта уже давно прохаживается между нами. Лишь чуть-чуть обогнавшая годами своих студентов, буйнокудрая и пышноплечая – пышногрудая, кстати, тоже, – изобильная также бедрами и тишиной. Эта тишина и сейчас свободными складками спадает поверх виноцветного платья прямо до самых ее пяток. Возможно даже изящных и перламутрово-розовых, но в данный момент сокрытых в монументальных буутах со светящимися подошвами. Периодически она наклоняется, омывает кого-то пеной кудрей и берет исписанный лист короткими пальчиками – для последующего обсуждения.

Мимо меня она проносит свою тишину, не остановившись. А жаль. Я бы послушал, как присутствующие упражняются в важнейшем из искусств нынешнего времени – искусстве расплывчатых формулировок. Ведь даже Венц, хоть ей и удалось однажды меня удивить, не рискнула бы высказаться так же смело в присутствии публики.

Однако, раз уж моя работа не заинтересовала ментора Талатту, придется мне продемонстрировать другой свой та-

лант. Ведь я – признанный мастер трансмутировать поганое настроение в изящные оскорбления. Тем более что лист Славы Па ментор положила на стол вместе с другими избранными. Очень удачно. Судьба, можно сказать. В конце концов, мое поганое настроение – отчасти и его рук дело. Рук – и голосовых связок, если быть предельно точным.

Обсуждение первых трех работ я слушаю, не вмешиваясь. Да и было бы во что – скучные почеркушки и водянистые речи про соответствие формы содержанию. Ничего такого, что хотелось бы высмеять.

Правда, у Сони Кассиани довольно своеобразное изречение: «Так с неба ветер обдирает шкурку…». Я предсказуемо морщусь. И чувствую, как холодные пальцы моего личного кошмара мимолетно касаются шеи и поднимают на ней волоски. Видимо, их прикосновениями для меня еще долго будут отмечены самые разные вещи. Случайные вещи. Самые обычные для всех остальных.

Но я смогу с этим жить.

И это явно лучше, чем пускать слюни в эс-комплексе.

Наконец доходит очередь и до работы Славы Па. Я переживаю пару образцово-показательных выступлений на тему легкости линии и поэтичности образа. Потом решаю, что пора.

– Я тоже хотел бы высказаться, ментор Талатта.

Она кивает. Хотя, мне кажется, без особой охоты.

– Пожалуй, не буду комментировать оригинальность вы-

сказывания «Когда случайным листом ложится в ладонь тишина». Или нужно? Оригинальность, ау! Нет ответа. Тишина. Ложится. Случайным листом. Зато это высказывание довольно…

Мои ладони покалывает. Словно они лежат на траве. Жесткой бурой траве.

– Оно довольно… трудолюбиво уложено в форму облетающего дерева. Однако некоторые линии слишком плавные там, где глаз просит больше резкости…

Я говорю снисходительно и чуть лениво. Как всегда. Но горло будто забивает туман. Из которого выглядывает то ли месяц, похожий на острую улыбку, то ли улыбка, похожая на острый месяц.

Откашливаюсь и пробую снова. Нейтральнее.

– Чем это считать: несовершенством или особенностью авторского стиля? Было бы любопытно услышать ваше мнение по этому поводу, ментор Талатта. В остальном же…

Я смотрю на Славу Па. Нет, этот гневом в лицо не плеснет. И после занятия не остановит, чтобы сказать что-нибудь про запах мертвечины. Он просто пытается… перетерпеть. В очередной раз.

А я до обидного предсказуем, получается?

– В остальном это… впечатляющая каллиграфия. Ни одного штриха в пустоту, каждый говорит со зрителем. И даже когда запинается – делает это намеренно. Артистично. Драматично. Не стихи на крыльях стрекозы, конечно, но и не

академические почеркушки, которые обсуждались до этого. Я бы посмотрел, как автор справится с менее классической темой. Уверен, это было бы… как минимум, любопытно.

До завершения практикума я сосредоточенно оттираю свои каракули губкой с растворителем. И пытаюсь понять: какого лысого мантикора?! Один раз послушал грустную песенку, представил себя на месте Па – или его на своем? – и теперь не могу изящно уничтожить его каллиграфию? Пусть и талантливую. Когда мне это мешало-то?

Я прямо-таки ощущаю ее – трещину в моем мировоззрении. В нее уже ухнула одна красивая ядовитая речуга на тему мягкости и бесхребетности. Того и гляди из этой трещины полезет какая-нибудь хтонь отчетливо этического окраса…

Впрочем, нет, это вряд ли. И одна трещина – еще не катастрофа.

Если, конечно, она так и останется единственной.

Что стоит дальше в моем расписании, я даже не смотрю. Мне явно требуется прогулка. И шапка. Голова все еще немного мерзнет, и к тому же я решаю, что приятное занятие с привкусом тщеславия – лучший способ отвлечься от всяких подозрительных трещин.

Тем более что день продолжает быть бессовестно солнечным, хотя и грозится вот-вот прикрыть лавочку витамина D. Роскошным закатом прикрыть, я надеюсь. И с этой надеждой надеваю серое пальто с забавным – а если смотреть под определенным углом, то и не совсем пристойным – рисун-

ком из миниатюрных солнечных батарей. В ноябре мне редко выпадает шанс его накинуть, поскольку в пасмурные дни греет оно так себе. Но сегодня погода как раз подходящая. Не только для того, чтобы показать миру что-нибудь стильное и неприличное, но и для того, чтобы без спешки пройтись по Мантикорьевску.

У нас с этим городом неплохие отношения. Мне симпатично то, что в нем нет требовательности и этакого хозяйского вампиризма больших городов Зеленой Спирали. Таких, например, как Певна, где я родился и куда периодически мотаюсь с ритуальными визитами к родичам. К счастью, нет в Мантикорьевске и пряничности авторских городков, построенных в основном эскапистами для эскапистов. Вместо всего этого у него обаяние пацана со странностями. В меру нахального, амбициозного, находящегося в возрасте экспериментов. Конечно, не исключено, что со временем он разрастется, остепенится и обрюзгнет.

Возможно, и я тоже.

Или нет.

Для прогулок я чаще всего выбираю Линейный квартал, с домами, похожими на уравнения, которым захотелось проветриться. Или Синий, где в теплые месяцы на разные голоса разговаривает вода в многочисленных фонтанчиках, а в холодные – перезвякиваются развешанные повсюду цветные ледышки.

Реже я бываю в Доминанте. Ее архитектура, на мой вкус,

излишне монументальна и избыточна. Зато воздух пропитан приятно щекочущим эго ощущением «ты способен на все, что только сумеешь вообразить».

Сегодня же мой путь лежит через самый краешек Линейного района, где расположена Песочница, но в основном – сквозь Чешую. Подчеркнуто нуарный квартальчик, который, казалось бы, должен мне нравиться больше остальных. Но я предпочитаю скорее контрастировать, чем вписываться, поэтому нарочитая мрачность Чешуи меня не слишком привлекает.

Впрочем, предзакатный свет ей идет. Я щурюсь на вечернее солнце, которое припудривает золотом ломаные стены неоготических зданий. И с удовольствием наблюдаю, как мелкие шустрые блики с ветерком катаются на спицах велосипедов и балансиаргов, а крупные, солидные бличищи с комфортом едут на крышах редких мехимобилей.

Если бы я не вглядывался с таким вниманием в эту блескучую суету, то у меня, пожалуй, оставался бы шанс не заметить Феликса Рура.

Да лысый же мантикор! Этот день последовательно портит мне одно удовольствие за другим.

К счастью, Рур даже не смотрит в мою сторону – слишком занят беседой с парочкой каких-то хмурых субъектов. Которые, кстати, мало похожи на породистых слизняков – то есть на подходящую для него компанию.

Впрочем, обладатели пасмурных портретов вполне могут

оказаться милейшими (и скучнейшими) существами. Мне всегда казалось, что Чешуя – не более чем нуарная декорация, которую населяют такие же благонравные беспозвоночные, что и все остальные районы. Просто местным нравятся оттенки потемнее.

Во всяком случае, Домна Кар_Вай, к которой я направляюсь, – вся сплошь беззащитная творческая мякоть, которую не удается спрятать ни за категоричной манерой вести диалог, ни за самыми шипастыми и пластинчатыми ее шмотками. Но я ни разу не воспользовался этим знанием. Ведь только Кар_Вай создает одежду, которая соответствует и моим эстетическим запросам, и моим платежным возможностям. Так что ссориться с ней было бы… непрактично.

Добравшись до ее маленькой мастерской, я отправляю хозяйке сообщение на вестник. И почти сразу же серая дверь в декоративных хлопьях якобы старой краски открывается, пропуская меня внутрь. Под неласковый взгляд линяло-голубых глаз.

Экстерьером Кар_Вай больше всего напоминает шампиньон – бледная, почти бесцветная, но крепенькая и свежая. Изучив меня от блестящей макушки до кончиков буутов, она констатирует:

– Ты мой свитер испачкал. На локте огромное пятно.

Я пожимаю плечами в смысле: виновен, но что ж поделаешь.

– Да, и с возвращением из… комы? Или где ты был?

– Где был, там уже нет, – кривовато усмехаюсь я.

– А шевелюру тебе эски аннулировали? Жаль. Правильный был акцент. Хорошо сочетался с моими вещами.

– Нет, волосы мне пришлось… кое-кому уступить. Но это одна из таких историй, которые мне неохота рассказывать, а тебе – слушать. Лучше давай, что ли, помоги мне спасти положение. Может быть, у тебя чудесным образом обнаружится новый правильный акцент для моей головы?

– За чудесами – к чудотворцам. А я создаю шмот.

Но, конечно же, кое-что у нее находится – темно-оранжевый «носок» тонкой вязки с нашитой по бокам мелкой медной чешуей. На замену моему безвременно погибшему хвосту не тянет, конечно. Но цвет подходящий, и в остальной мой гардероб, балансирующий на грани между «забавно» и «угрожающе», неплохо вписывается.

Хотя я не рассчитывал, что придется отдать за новую шапку пятую часть оставшихся респов… Что ж, тратиться мне все равно особо не на что, до следующего родительского доната ждать меньше месяца, так что смысла жмотиться нет.

– Пятно с локтя отстирай, – прощается со мной Кар_Вай.

Обратная прогулка до Песочницы выходит почти радостной. Город переливается огнями, дышит мне в уши музыкой из орфеон и выпускает навстречу разнообразных персонажей, которые мне незнакомы – и совершенно безразличны. Это создает приятную иллюзию целостности, устойчивости и непоколебимости внутреннего мира.

Добравшись до своей комнаты и переодевшись в уютный домашний вубизон, я некоторое время решаю, чем бы заняться в первую очередь: отстирать пятно со свитера или продумать вопросы мехименторy? Ро еще днем одобрил мою заявку на индивидуальное занятие и назначил его на завтра. Времени на то, чтобы подобрать правильные крючки, остается немного…

Но, может быть, мудрее отложить это на утро, а сейчас попробовать просто выспаться?

Я ложусь на кровать, закидываю руки за голову, все еще непривычно легкую и гладкую, и… слышу минорную трель вестника. Обычно таким сигналом Ноо оповещает жителей Мантикорьевска о каких-то печальных событиях. Неохотно скатившись со своего ложа, я достаю из сумки кубик. И читаю, что час назад в эс-комплексе скончался Оскар М_Акиан.

Где-то сейчас те же самые слова читает Стрелок.

О чем он думает?

Это ли он планировал?

Если бы наномехи были выращены для убийства… они бы убивали. Быстро. Без мрачных равнин и двойников-живодеров. Без шансов на возвращение. Значит, скорее всего, задача у них другая. И тем не менее…

Вся Песочница, наверное, пойдет на похороны. М_Акиан многим нравился. Если бы какой-нибудь умник придумал способ превратить золотистого ретривера в человека, полу-

чился бы кто-то вроде него… Таких особенно удобно любить. У нас с ним было не так уж много общих занятий, но сейчас я легко вспоминаю широкие плечи спортсмена, волнистые волосы, которые он, не стесняясь, убирал за крупноватые уши, плюшевый басок, которым он рассказывал истории о младших братьях и сплавах по холодным горным речкам…

Кажется, пора перестать тянуть время за усы и прочие части тела. Тем более что ни усов, ни прочих частей тела у него не имеется. Зато имеется поганенькое свойство делать вид, что оно есть, тогда как на самом деле его давно уже нет.

Я разворачиваю кубик и погружаюсь в Ноо. Мне нужно найти точку опоры. Что-то, за что Стрелок мог выбрать М_Акиана для своего… эксперимента. Что-то общее между М_Акианом и мной. На первый взгляд трудно представить двух настолько непохожих людей, но какая-то точка соприкосновения все же должна быть. Очевидно – неочевидная. Видимая не прямым взглядом, а периферийным зрением. Итак, попробуем ее отыскать…

Просмотрев примерно километр открытой виртуальной переписки М_Акиана с разными собеседниками, я как будто снова услышал его голос. Во всяком случае, интонации – добродушные, но без слащавости. Он был не прочь пошутить, причем в основном – над собой. Любил рассказывать о семье, о байдарках, о том, как мало вещей нужно человеку для счастья, о разных не очень понятных мне ботанических

казусах, архаичных комедиях и тонизирующих коктейлях на основе меффа. И о том, как ловить себя на неэтичных мыслях, а потом отпускать их. Еще он в охотку возился с землей, выращивал разную зеленку в мини-теплицах. Слушал довольно занудные подвывающие и похрипывающие инструменталки. Собирался завести палочников…

Ни-че-го. Ничего, что бы нас объединяло. Ничего, что заставило бы мою интуицию насторожиться. Только ноют шея и плечи, слипаются глаза, расплываются в бессмысленные пятна двумерки и трехмерки, сочетания букв теряют смысл…

Сворачивая под утро кубик и проваливаясь в сон, я еще успеваю обозвать себя пустоголовым куском органики, который напрасно гордился своими умственными способностями…

В этой части истории чужие тайны проявляют ко мне повышенный интерес. Чему я не слишком-то рад

На занятиях я присутствую. Но и только. Какая-то небольшая часть меня принимает на себя ответственность за необходимые контакты с внешним миром, однако основные мощности брошены на поиск информации.

Я решаю временно оставить в покое М_Акиана. Раз уж он такой кубик, который не раскроешь без кодового слова.

Есть ведь еще двое, и, может быть, с ними у меня быстрее найдется нечто общее. Или хоть что-нибудь найдется. Какой-то… спусковой крючок для озарения.

И для начала я принимаюсь изучать ноо-след Ивы Лау. Предварительно, конечно, пошарив в собственной памяти. Нашаривается, правда, сущая ерунда. С этой анемичной блондинкой, тихой, незамысловатой и всегда как будто слегка прихваченной морозцем, мы пересекались только на гуманитарных дисциплинах и хомопластике. Орфочка из словесников, сочиняла какие-то истории. Периодически на лекциях Павлы Имберис задавала странные вопросы. Однажды мы с ней оказались в паре на очередном Дне диалога у той же Имберис, и спорить нам выпало… вроде бы о том, влияет ли память местности на людей, если они не знают ее истории.

Уже не помню, был я за то, что влияет, или наоборот. Помню только, что задавил Лау аргументами. Правда, без особого азарта. Она меня и не интриговала, и не бесила. И поэтому ни разу не была в моих забавах главной героиней.

Ноо знает о Лау больше. Однако, к моему удивлению, ненамного.

Я рассматриваю ее двумерки и трехмерки, читаю открытые беседы и выпущенные в Ноо рассказы. И никак не могу избавиться от ощущения незамысловатости и прохладности. Несмотря на то, что общалась она много и писала бойко. Успела даже собрать кружок постоянных читателей. Хотя ее безупречные по форме произведения, на мой вкус, содержанием бедноваты. Среди ее собеседников мне периодически попадаются знакомые личности: Венц, Афейна, Доми… вездесущий Слава Па, чтоб ему с лысым мантикором в обнимку проснуться. И даже несколько менторов. В том числе, к моему удивлению, Симеон Ро. Неужели у него есть время на посредственную прозу?

Спотыкаюсь я на беседах Лау и Белого. Может быть, потому, что у человека-монумента есть дар в своих репликах обнажать то, что не особенно хочет обнажаться. И даже умалчивая о чем-то, Белый как будто очерчивает границы неназванного светящимся контуром. Однажды обратив внимание на эту тему-невидимку, я настораживаюсь и перечитываю заново другие разговоры.

Теперь я везде замечаю те же танцы вокруг некой области

умолчания, которую можно заметить, только если ты внимательный умница.

Ну или если ты посвящен в эту таинственную тему.

Я добросовестно изучаю все намеки, оговорки, многозначительные хиханьки и осторожные упреки. И в конце концов эта пунктирная тропинка приводит меня в нижние слои Ноо. К настоящим историям Ивы Лау. Они, надо признать, ловко спрятаны и правдоподобно замаскированы под архаику. Но безупречная холодноватая форма, которая делает их похожими на собранные из слов снежинки, выдает автора.

Если бы об этом узнали этики… А кстати, почему они не знают? Почему никто из тех, кому Лау доверила свою тайну, ее не выдал? Конечно, предварительно убедив себя, что это ради блага самой же Лау…

Рассказов всего четыре. Во всяком случае, столько я нашел. И каждый из них – это фантастическая история о насилии. Физическом и эмоциональном. Вычурном и подробном. Его практически можно втянуть носом, ощутить на языке, уловить вставшими дыбом волосками на загривке…

У главного героя четвертой истории – рыжий хвост и змеиный взгляд.

Закусив палец, я читаю о похождениях своего двойника… Не многовато ли их у меня развелось? Думаю о том, что иногда хорошо не иметь волос – не за что подвесить. И о том, что хотя закушенному пальцу больно, это тоже неплохо – это значит, что у меня еще есть зубы. А когда в какой-то момент

я опираюсь спиной о стену коридора, где меня поймала эта история, то на долю секунды готов отругать себя за то, что потревожил ожоги от чашек с горячим мефом вдоль хребта…

Что ж… надо признать, в эту историю Иве Лау удалось меня погрузить. Полностью. За одни сутки она провела своего змееглазого героя через такое количество унижений, что их вполне хватило бы на долгую несчастливую жизнь в каком-нибудь из темных веков.

Не знаю, что там с персонажами других историй – у всех ли есть прототипы, или так повезло только мне. Я больше никого не угадал, но это еще ни о чем не говорит. Возможно, остальные просто лучше замаскированы.

«Свою» историю я перечитываю трижды. Потом долго пытаюсь вспомнить: чем же я настолько обидел Иву Лау? Но в голову так ничего и не приходит. А ведь что-то наверняка должно было быть… Что-то посерьезнее, чем интеллектуальная подножка на лекции ментора Имберис. Что-то очень важное для нее… но, видимо, неважное для меня, раз не удержалось в памяти.

За всеми этими поисками и находками основные занятия как-то внезапно заканчиваются, и оказывается, что впереди – только индивидуалка с ментором Ро, которую я собирался использовать в целях расследования, но так и не удосужился придумать, как именно.

У меня остается совсем немного свободного времени,

чтобы подготовиться к этому разговору… или хотя бы просто проветрить мозги.

Выдохнуть.

Выбросить из головы рассказы Лау.

Я направляюсь к большим дверям Песочницы, расписанным символами наук и искусств. В холле, уткнувшись в кубик, сидит Инхо. Он поднимает на меня взгляд и, по новой традиции, коротко кивает. Я отвечаю тем же.

А потом он говорит задумчиво:

– Зверски интересно: а тебе на лекциях в шапке не жарко было?

– Не-а. У меня в ней как в теплице – идеи быстрее созревают.

Я выхожу на остренький, даже какой-то похрустывающий ноябрьский воздух – и из меня вдруг начинает рваться неудержимый хохот.

Шапка! Ну надо же…

Меня тут виртуально изнасиловали с особой литературной жестокостью.

Мое мировоззрение неприятно трещит по швам.

У меня буквально вот-вот состоится встреча с возможным Стрелком, и я к ней не готов.

А этот… союзничек пытается поддеть меня вопросиком про шапку – не жарко ли мне на лекциях, понимаете ли!

Я хохочу, разбрызгивая слезы и слюни, сгибаясь пополам, уронив в процессе эту самую шапку, привлекая удивленные

и подозрительные взгляды, – и никак не могу остановиться.

Потому что смешно ведь. Аж жуть.

Когда истерика наконец ослабляет хватку, я поднимаю с земли несчастную шапку и вытираю ее изнанкой лицо.

А потом иду разводить на искренность человека, который меня терпеть не может. Делов-то. Лысому мантикору на один зуб.

Мы с ментором встречаемся в мастерской. Той самой, где меня подстрелили.

С того вечера я бывал здесь трижды – но ни разу один. И даже когда в мастерской работает несколько человек, я не могу, как раньше, прилепить промхитиновые капли наушников, врубить любимый плейлист и отключиться от всего, что происходит вокруг. Меня так и тянет периодически оглядываться через плечо. Как бы это ни было глупо.

Вот и сейчас мне требуется совершить над собой некоторое усилие, чтобы поприветствовать Симеона Ро обычной эф_имерской – или эф_имерзкой? – улыбочкой и расположиться в рабочем кресле спиной к двери.

Ответный взгляд ментора не добавляет этому помещению уюта.

От такого насквозь просвистывающего взгляда какая-нибудь нежная натура могла бы, наверное, и простуду словить. К счастью, у меня и натура жестковата, и здоровье завидное.

Да и Ро для меня – не такой уж авторитет.

Наш мехиментор сам не так давно выпустился из Песочницы, и в Зеленую Спираль его не позвали. Оставили тут – молодежь натаскивать да несложных мехимер для городских служб выращивать. Так что повод немного обидеться на обстоятельства у него имеется.

Впрочем, обиженным, по моим ощущениям, ментор не выглядит. А выглядит скорее как горизонт в поле… нет, не в поле – в степи. Что-то в разрезе его глаз, в рельефе лица, в тяжелых волосах, вечно завязанных архаичным узлом на затылке, намекает именно на степной горизонт. Довольно скучный и прямолинейный. Но отчасти и умиротворяющий.

Правда, иногда на этом горизонте маячат разные смутные тени. Кто их знает – может, и зловещие.

Сегодня Ро в рассеянно-скептическом настроении, которое часто нападает на него, когда он вплотную занят каким-нибудь проектом, но не может при этом взять отпуск от менторства.

– Честно говоря, у меня сейчас мало свободного времени, Эф_Имер. А вы даже не указали в запросе на индивидуальное занятие его, собственно, цель. У вас какие-то затруднения с квалификационным проектом?

О да, некоторые затруднения имеются. Например, мне некогда им заниматься. Но это явно не та проблема, которую стоит обсуждать с ментором Ро.

Для него у меня, пожалуй, найдется парочка таких заковык, с которыми он действительно может помочь. Правда, на

самом-то деле я успел разобраться с этими проблемами сам, еще до… до того, о чем мне не хочется лишний раз вспоминать. Особенно в этом месте. Но повозиться мне с ними пришлось изрядно, так что в качестве повода для индивидуалки они подойдут.

Во всяком случае, Ро, кажется, не подозревает, что я ему тут желтого карлика втюхиваю под видом голубого гиганта. Где-то дает намеки на возможные решения, где-то предлагает источники, в которых я могу найти нужную информацию.

Но в это торопливое менторское наставление невозможно вклинить ни одного постороннего вопроса. Остается только кивать и закипать, думая о том, что попытка прощупать мехиментора провалилась. Бессмысленно и бесславно. И завтра в архиве… неужели мне придется признаваться в этом рыцуцикам?

После того первого взгляда, которым Ро меня встретил, больше он в мою сторону ни разу не посмотрел. Вот и сейчас он хмуро разглядывает обкусанный ноготь на указательном пальце. Мысленно, наверное, отчитывает себя за то, что не может победить вредную привычку.

Вопросы закончились, ответы тоже. Сейчас он мне пожелает работать усерднее и…

Прежде чем я успеваю додумать эту мысль, Ро начинает ее воплощать:

– И вот для этого вам необходим был я? До сих пор мне казалось, что ваши… амбиции чуть более обоснованны. В

будущем предоставьте, пожалуйста, дополнительный шанс своему таланту проявиться, прежде чем подавать заявку на индивидуальное занятие.

– Ладно. Впредь постараюсь не отрывать вас от крайне важных… поделок для Совета Голосов. Ментор.

Яда в голос добавлено щедро. Но, возможно, Ро все же хватит мудрости промолчать… Тогда придется намекнуть на его менторскую несостоятельность. Сейчас я готов брякнуть что угодно, лишь бы ему захотелось оправдаться.

– Важных поделок… – Ро как будто пробует мои слова на вкус.

Но даже теперь он не поворачивается ко мне. Рассеянно смотрит на цепочки формул, которые однажды должны стать моим Большим Луу. Некоторое время молчит.

Я уже начинаю думать, что сейчас ментор все же попрощается и уйдет прежде, чем я успею зацепить его чем-то еще.

Но в конце концов он решает ответить:

– Можно это назвать и так… Можно, пожалуй. Видите ли, Эф_Имер, из тех, кто пострадал от изобретения так называемого Стрелка, повезло пока только вам.

Тут снова ложится тоненькая полоска молчания. Как холодный лунный луч из приоткрытой двери.

– А мне… Меня попросили придумать способ… сделать так, чтобы повезло кому-то еще. Попросили остановить наномехов. Заставить их прекратить выполнять свою задачу. Такая вот… важная поделка. Для Совета Голосов, как вы

правильно подметили. И хотя в Совете Голосов сидят умные люди, которые прекрасно понимают, насколько эта проблема неординарна… насколько она выходит за пределы того, что я делал до сих пор… они все равно верят, что у меня получится.

Ментор распускает узел волос, потом завязывает заново. Может быть, ждет от меня вопроса. Но я молчу. Только сдвигаю на затылок медный шлем от Кар_Вай, поудобнее устраиваю правую ногу на колене левой, в очередной раз отмечая красоту швов на своих пижонских буутах. Сейчас мне уже не нужно цеплять ментора ядовитыми вопросами. Гораздо интереснее позволить ему выговориться без подсказок.

И ментор меня не разочаровывает. Еще раз поправив свою старомодную прическу, он продолжает:

– И вот теперь вы, вероятно, думаете: почему же этой проблемой занимается Симеон Ро, а не какой-нибудь маэстро из Зеленой Спирали? Я тоже много раз задавался этим вопросом… Хорошо, допустим, у маэстро из Зеленой Спирали полно более глобальных задачек, чтобы поломать свои сложно устроенные головы. Мы ведь все еще довольно обременительны для планеты. И космос по-прежнему лучше освоен орфами, чем учеными. Так что… помощи, скорее всего, ждать не стоит. По крайней мере, пока это остается локальной проблемой. Может, разве что Олислава Ежи_Вель согласится на время оставить свою тему… Я понимаю, почему ее не хотят отвлекать – у нее редкая специализация, и ее уди-

вительно устроенный разум сейчас решает свои важные задачи… А значит, именно мне предстоит изобрести способ воздействия на этих микроскопических мехимер… О которых мы, кстати, знаем только с ваших слов.

Впервые с момента нашей встречи Ро смотрит прямо на меня. И на этот раз мне трудно сказать, что нервирует сильнее: холодное дуновение от дверей, взгляд-которого-нет – или вопросительное внимание ментора.

– Просто… вы же знаете: в тех данных, которые эскулапам удалось извлечь из вашего мозга и из вашей крови, не нашлось ничего, что подтверждало бы эту теорию.

Ро опять отводит взгляд. Как будто на обгрызенный ноготь ему смотреть приятнее. Но говорить продолжает:

– Нет, я не намекаю на то, что вы все придумали. Что вы обманываете нас… или даже сами себя. Просто мне сейчас очень нужна хоть какая-то подсказка, а взять ее неоткуда. И, понимаете, любая информация может оказаться этой подсказкой. Но вы очень… последовательно обходите молчанием подробности своего… контакта с наномехимерами.

– Я рассказал все, что могу.

– Но не все, что помните, – даже не спрашивает, а отмечает Ро.

Лысого мантикора ему на шею за догадливость.

Я неопределенно пожимаю плечами.

Ментор кивает. Вряд ли мне, скорее – своим мыслям.

– Возможно, это что-то достаточно… болезненное. И вы

вправе оберегать свой психологический комфорт. Вправе не поступаться им ради посторонних людей. Я бы скорее удивился, если бы вы… решили иначе. Но я попрошу вас хотя бы выше ценить мое время. И не беспокоить меня такими вопросами, на которые в состоянии ответить сами.

Вот ведь! Назвал меня лентяем, трусом и эгоистом, не использовав ни одного из этих слов. Мастерство, достойное уважения. Я бы даже похлопал, только он не поймет. И, скорее всего, примет за издевку.

Не дожидаясь моего ответа, Ро поднимается и выходит из мастерской.

А я задумчиво щурюсь ему вслед. Примерно секунд десять. Пока до меня не доходит, что я остался в мастерской один.

Возможно, это удачный момент, чтобы побороться с бессмысленным страхом. Но я его упускаю.

Все равно мне лучше думается на ходу.

Не торопясь, я возвращаюсь в свою студенческую келью, а по дороге разбираю по косточкам наш разговор – если можно так назвать монолог Ро, разбавленный парой моих реплик.

Веских причин, чтобы вычеркнуть ментора из списка подозреваемых, у меня по-прежнему нет. Но сделать это все же хочется. Чутье настаивает, что Симеон Ро – правильный парень. То есть правильный слизняк.

Да, его настойчивые попытки разговорить меня на тему я-второго выглядят подозрительно – если считать их попыт-

ками экспериментатора узнать подробности о своем эксперименте. Но нет, не очень похоже. Больше похоже на то, что его хребет действительно потрескивает от возложенной Советом Голосов ответственности. Но он скорее сломается, чем попробует скинуть ответственность на хребет покрепче… Даже на плечи этой почти мифической фигуры… как там ее… Олиславы Ежи_Вель? Имечко как у орфы. Наверняка даже в какой-нибудь стихотворный размер укладывается. Спросить, что ли, у Белого во время очередной встречи в архиве? Так, забавы ради…

Но для того, чтобы иметь право на забавы, сначала надо продемонстрировать рыцуцикам свою серьезность и полезность. И если с первой у меня все в порядке, то со второй еще предстоит поработать. Судя по всему, опять ночью.

Обосновавшись на кровати, я разворачиваю кубик и начинаю изучать информационный след Петруши Элоя. О нем на данный момент я знаю только три вещи: ему совершенно не подходит его второе имя, он не учился в Песочнице, и он единственный, кроме меня, кто очнулся, пусть и не в здравом уме.

Первый же нырок в Ноо приносит мне любопытную информацию: около двенадцати лет назад Петруша Элой стал героем скандала. Что-то связанное с химией, сладостями и страстями.

От погружения в детали меня отвлекает стук в дверь.

Что само по себе неожиданно – нечасто ко мне кто-то сту-

чит.

Но еще неожиданней оказывается личность вечернего гостя.

– Рур? Ко мне – и без респиратора? Неужели не боишься подхватить мизантропию? Заходи-заходи, я как раз полную комнату надышал.

Я переигрываю, причем сильно.

Вот и рыцуцик морщится, нервно переступая с одной мосластой конечности на другую. Он одет так, будто только что пришел с улицы или наоборот – собирается уходить. И ему, судя по закушенной губе и складке между бровями, было непросто постучать в мою дверь.

Я выдыхаю. Снимаю со своей голой пятки щекотную рыжую волосину, загадочным образом уцелевшую после визита мехозяйки. И пробую заново:

– Что-нибудь случилось?

– Нет. Пока нет. Но у меня есть одно дело… Оно не имеет отношения к Стрелку, только к тебе. Точнее, будет иметь… если ты согласишься.

– Занятно. Будешь рассказывать на пороге или зайдешь?

Я отступаю в комнату, устраиваюсь на кровати и всем своим видом демонстрирую готовность слушать.

Рур заходит и оглядывается. Хотя любоваться в моей келье, откровенно говоря, нечем. Мне больше нравится обставлять всякими интересностями внутренний мир, поскольку внешний, на мой взгляд, и так перегружен ненужны-

ми вещами.

– Лаконичненько живешь.

Я молча пожимаю плечами.

Поскольку Рур отвлек меня от работы с Ноо, кубик так и стоит развернутым на кровати. Взгляд рыцуцика цепляется за него.

– Занимаешься?

Кажется, «личное дело» застряло у Рура колючим комком в горле и пока что сопротивляется попыткам извлечь его на свет.

Я проявляю удивительное для себя самого понимание – и терпеливо поддерживаю вступительный разговор ни о чем:

– Можно сказать, занимаюсь. Вопросами, которые касаются одного хитрожопого субъекта и нескольких бедолаг в эс-комлпексе.

– Что, решил поискать Стрелка в Ноо?

– А это не такая смешная идея, как тебе кажется. Только надо точно знать, что ищешь. Так что пока…

Долю секунды я сомневаюсь: говорить ли?

Но какая разница – завтра в архиве мне так и так предстоит вытряхивать свой небогатый улов перед всей компанией.

– Пока я копаюсь в биографиях подстреленных. Пытаюсь понять: почему именно они? Что у них общего между собой? И что общего со мной?

– А тебе не приходило в голову, что пиджаки это уже сделали?

– Конечно они это сделали. Но со мной-то результатами не делились. Да и выводы из одних и тех же фактов мы можем сделать разные.

Рур кивает. Потом говорит:

– Ты видел меня в Чешуе.

Неожиданный переход.

– Было дело.

– Я там… договаривался… – Он снова морщится, будто глотнул подкисшего меффа. – Об участии… в бою с мехимерой.

Это должно быть шуткой. Рур любит шутки. Хоть и не такие острые, как я.

Это и может быть только шуткой.

Но два красных пятна, проступающие у него на скулах, упрямо лезущий вверх острый подбородок, пальцы, вздрагивающие, когда он смахивает с виска каплю пота… Он так и не снял теплую куртку… и, судя по всему, говорит серьезно. И боится тоже всерьез.

– А я был уверен, что люди дерутся с мехимерами только в городских страшилках и плохих визновеллах.

– Значит, у тебя есть шанс убедиться, что иногда ты ошибаешься. Хочешь взглянуть на городскую страшилку? С безопасного зрительского места.

– То есть ты меня зовешь… эм… поболеть за тебя?

– Вроде того.

Рур меня бесит. Со всеми его углами, вихрами, усмешеч-

ками и острыми взглядами… Всегда бесил. Может быть, даже сильнее, чем идеальный солнечный слизнячок Тимофей Инхо. Но что бы там ни говорил этот рыцуциками укушенный я-третий, я – не живодер. Поэтому я говорю:

– Видишь ли… Не хочется тебя разочаровывать, но у человека нет шансов голыми руками завалить вывернутую мехимеру. Даже какую-нибудь мелкую и простенькую, вроде мехозяйки, кулинарки или поисковика. А если ты слышал истории о том, что это кому-то удалось, то это уж точно городские байки.

Кое о чем я умалчиваю. На самом деле любую мехимеру – гавкнутую силой обстоятельств, вывернутую случайно или вывернутую нарочно – в общем, любую, ставшую опасной, все-таки можно вырубить. Причем именно голыми руками. Для каждой из них изначально прописывается структурная уязвимость. Слабое место, прямо как у героев архаичных сказок. И если ты мехимерник, то сможешь его найти или как-то почувствовать.

Честно говоря, когда Ро нам об этом рассказывал, я не очень понял, как именно это происходит. Возможно, потому что и сам мехиментор знает об этом только в теории. Распространяться об уязвимостях запрещено, чтобы не провоцировать излишне любопытных на эксперименты. Потому что излишне любопытным даже такой аргумент, как «это способен сделать только мехимерник» может показаться требующим личной проверки. Вряд ли такие эксперименты привели бы

к травмам, ведь не вывернутые и не гавкнутые мехимеры для людей безопасны. Но все же Совет Голосов, как всегда, решил перестраховаться.

В общем, даже вздумай я наплевать на запрет и рассказать Руру об уязвимостях, ему бы это ничем не помогло, поскольку он не мехимерник, а будущий координатор работы Ноо… или кем он там планирует быть после Песочницы. Так что единственное, что я могу для него сделать, – это предупредить о последствиях. Но, судя по тому, что его острый подбородок все так же упрямо задирается вверх, я его не убедил.

– Это общее место. Неуязвимость мехимер, я имею в виду. А общие места – это далеко не всегда истина. Так ты хочешь посмотреть бой?

– Это должно быть… любопытно. Но я не понимаю, на кой тебе сдалась моя компания?

– Мне нужен кто-то, кто в случае, если мне… не повезет, оперативно доставит меня к эскам.

– И, конечно же, первый, о ком ты подумал, – твой близкий друг Эф_Имер, – скептически тяну я.

А потом понимаю.

– А-а-а, ясно. Остальные… ты им не сказал. Потому что они-то как раз – друзья. И ни за что не пустили бы тебя в эту костедробилку. Связали бы, сели сверху или нашли другие способы. Но ни на какой бой ты бы не попал. А вот я – известный любитель веселых шуточек про боль и унижение. Ну и в целом сволочь. Поэтому я отговаривать не буду,

а как раз наоборот – вприпрыжку побегу смотреть. М-м-м… занятненько. Но есть ли тогда гарантии, что я, как ты выразился, «оперативно доставлю тебя к эскам»? А не подожду полчасика-часик, чтобы продлить удовольствие?

– Гарантий нет, – всерьез соглашается Рур. – Но есть вероятность, что ты не захочешь рисковать союзом, ради которого пожертвовал своей рыжей красой. К тому же, это в Песочнице ты – самая неприятная аберрация человеческой натуры. А в городе, знаешь… встречаются экземпляры пострашнее. И по крайней мере часть из них будет наблюдать за боем. Так что ты, в общем, приемлемый вариант. Если тебе интересно, то выдвигаться нужно сейчас.

Разумеется, мне интересно. Рур все правильно просчитал: я не могу отказаться от возможности увидеть вывернутую мехимеру. А еще – тех, кого он назвал «экземплярами пострашнее».

И… это странно, но я ощущаю за него некую ответственность. Как за одного из союзников. Вряд ли он позвал бы меня, будь у него другие варианты. Значит, если я откажусь, он поедет один. И мехимера его, разумеется, поломает. Может быть, не слишком сильно. Но… кто знает.

Лучше, если с ним буду хотя бы я.

До Чешуи мы едем на мехимобиле. Удовольствие разорительное, но платит Рур, так что почему бы и не прокатиться?

Ночной Мантикорьевск плавно скользит мимо окон. Ес-

ли задаться целью, можно насчитать десятки, если не сотни мимолетных сцен, вырванных из историй, которые я никогда не узнаю. Прохожие тянут за собой или толкают перед собой огромные длинноногие и длиннорукие тени с несоразмерно крошечными головами. В то золотом, то празднично-пестром, то подводно-синем искусственном свете все лица кажутся таинственнее, чем днем.

Даже Рур, на острые черты которого заоконные пейзажи накладывают быстро мелькающие маски, сейчас похож не на хорошо знакомого мне слизняка, а на кого-то другого… Я ловлю вспышку узнавания: текущие по сосредоточенным лицам тени, неуютное молчание, теснота мехимобиля, предчувствие крови…

– Кстати, о городских страшилках и плохих визновеллах про мехимер… По-моему, мы сейчас прямо как Сей_Ти и Арни_Арди из «Мехимахии». Когда они едут ловить ту рогатую тварь.

– Не-а, никаким местом. – Рур резко встряхивает косой челкой. – Они братья… и они друг другу нужны. На моего брата ты не похож… к счастью… для обоих.

Эти слова он шелестит себе под нос, так что я не уверен, точно ли расслышал. А вот следующие разобрать гораздо легче:

– Мы друг другу в лучшем случае полезны, Эф_Имер. И только сегодня.

– Вообще-то я имел в виду только картинку. – Я очерчи-

ваю рукой салон мехимобиля.

Рур еще раз встряхивает челкой с каким-то странным ожесточением и ничего не отвечает.

Некоторое время мы едем в тишине. А потом он разлепляет узкие губы и выдает с видимой неохотой, как будто это я заставляю его говорить:

– Да, кстати. Чем бы ни закончилась эта ночь, я бы на твоем месте не распространялся о своей… причастности. Особенно при пиджаках. Ну, и при ребятах тоже.

– С пиджаками понятно. Но что касается Инхо и компании… Это же твое решение – побоксировать с мехимерой. Разве можно меня тут в чем-то обвинить?

– Ты меня не остановил. Для них этого будет достаточно.

– Занятно. Не очень логично, но я учту.

Мы опять молчим. Полосы света и тени продолжают разукрашивать сосредоточенное лицо Рура. Но смотреть на это не слишком интересно, и я уже собираюсь снова переключиться на созерцание ночного Мантикорьевска, когда рыцуцик вдруг спрашивает:

– А ваши эти семнадцать правил мехимерики… Тебе никогда не казалось, что они все немного смахивают на суеверия? То есть что они больше про ритуал и магическое мышление, чем про реальную осторожность, предусмотрительность… практичность? Особенно первые три. Разве эти запреты на антропоморфный облик, агрессивный облик и любые предпосылки для внутреннего конфликта – разве они

гарантируют, что… знаешь, никогда не случится никаких… накладок?

Я пожимаю плечами.

– Мне никогда не казалось. Кажется – это когда ты не уверен. А в этом случае я как раз уверен: все семнадцать правил нужны в основном для психологического комфорта. Призваны создавать видимость, что все продумано. Что никаких… как ты сказал, «накладок»? – не случится. Что все гладко, мило и безопасно. Хотя никто до сих пор понятия не имеет: как мехимеры там внутри себя существуют после того, как вырастают из промхитиновых семян. И почему некоторые не вырастают. А другие, хоть и очень редко, вырастают, а потом гавкаются. – Я снимаю шапку и провожу ладонью по вспотевшей макушке. А потом договариваю: – Но все-таки для того, чтобы мехимера стала опасной, ее нужно либо написать такой, либо вывернуть. И хотя мы сейчас едем туда, где, по твоим словам, должна быть по крайней мере одна такая… мне все равно до конца не верится. Какой мехимерник станет так рисковать? И зачем? И… откуда в нашем уютном загончике взяться людям, которым интересно на это смотреть?

Брови Рура дергаются вверх:

– Внезапно! Эф_Имер… идеализирует окружающих? Но в какой-то очень парадоксальной манере. Через идеализацию – к расчеловечиванию… Видимо, так тоже можно.

Я ловлю себя на мимолетном желании все-таки подождать полчасика с доставкой его побитой тушки эскам… Терпеть

не могу, когда меня вот так, в духе снисходительного всезнайства, «понимают» разные гармоники диванные.

Ответить я не успеваю, потому что мехимобиль останавливается. А пока мы выходим, желание развивать эту тему покидает меня окончательно. Пусть Рур думает что хочет. Пусть все они «понимают» меня, как им вздумается. Какая мне разница?

Мы идем через ночную Чешую. Рур впереди, я – отстав на пару шагов. Как выяснилось, до самого места, где проводятся запретные игрища, доезжать на мехимобиле не положено. Но прогуляться по нуарному кварталу ночью мне только в удовольствие.

Серебристая подсветка красиво подчеркивает углы и плоскости, арки и дверные проемы, сложные, ломаные и вычурные геометрические формы, которые преобладают в Чешуе.

Арт-панели встречаются редко и показывают что-то неожиданное. На одной, например, я узнаю закольцованную сцену из парсоновских «Ноонавтов». Тех самых, которых в свое время очень неохотно разрешили к показу. И которых, я думаю, как раз поэтому посмотрели даже те, кто обычно не интересуется визновеллами. Ну а те, кто интересуется, быстренько разобрали «Ноонавтов» на цитаты, которые теперь используют для вычисления «своих». Пожалуй, лучшая судьба для визновеллы… Или наоборот – худшая? Надо будет как-нибудь подумать об этом. Но не сейчас. Сейчас инте-

реснее рассматривать персонажей, которые попадаются навстречу.

Вот Рур едва не сталкивается с пареньком, обладателем ушей удивительной формы и размашистости. То ли крылья, то ли лепестки, по которым стекает бледный ночной свет, пару секунд сверкают перед нами – и пролетают мимо. А теперь впереди подпрыгивает корзинка, из которой выглядывают две упитанные щенячьи морды. Корзинка висит на широкой, упакованной в пуховик груди. Чьей – не успеваю разглядеть, потому что засматриваюсь уже на другую сторону улицы, где среди веселого табунчика молодежи, кажется, мелькает кто-то в экзо-мехимере.

Скорее всего, именно кажется. Экзо-мехи встречаются очень редко, я и в Певне-то лишь однажды такую видел. А сутолока бликов и теней ночной Чешуи – самая благоприятная среда для фантазий и миражей.

Периодически я поглядываю на узкую, затянутую в бежевое пальто спину Рура, которая маячит впереди. Его руки то прячутся в карманы, то нервно из них выпрыгивают. Он ни разу не оборачивается, чтобы посмотреть, иду ли я за ним. Скорее всего, занят тем, что пытается договориться со своим страхом.

Во всяком случае, я на его месте занимался бы именно этим.

Когда Рур наконец останавливается перед простой коричневой дверью со слабо светящимся стилизованным котом,

мне становится не по себе.

Будто до шеи дотрагивается неприятный сырой сквознячок.

– Ты ведь не расскажешь, зачем в это влез? – на всякий случай уточняю я.

– Не-а.

– Жаль. Было бы интереснее наблюдать, зная, что ты это делаешь из-за какой-нибудь ерунды.

Рур не тратит силы на ответ. Вытягивает из кармана кубик, разблокировав грань вестника, с чем-то сверяется – и проводит пальцем по некоторым из светящихся линий, образующих контур кота. Дверь плавно отъезжает в сторону.

Чего я ожидал? Учитывая, что в детстве я поглощал архаику в огромных количествах, – чего-нибудь вроде круглой арены и клетки со следами предыдущих боев. Пристальных лучей света. Горящих глаз. Раздувающихся ноздрей.

Невидимой, но явственно ощущаемой взвеси насилия в воздухе.

Вот насчет нее я угадал.

Плотная, холодная и горячая одновременно атмосфера злого азарта наполняет неправильный четырехугольник комнаты.

В остальном же место, где передо мной вот-вот оживет городская страшилка, больше всего напоминает печальное междометие, зачастую более точное, чем предложение с пышным хвостом деепричастных оборотов.

Все здесь каких-то сумеречных, пыльных оттенков. И даже овалы гелевых кресел похожи на большие грязные булыжники. Кажется, что задница, вздумавшая искать на них комфорта, найдет только коллекцию неприятных ощущений. Впрочем, это впечатление явно не смутило тех, кто уже успел занять часть сидячих мест.

– Располагайся. Мне надо тут кое с кем…

Не договорив, Рур начинает пробираться между креслами-булыжниками куда-то вперед и вправо.

Я осматриваюсь, выбираю место, где можно встать – и наблюдать не только бой, но и лица большинства зрителей. Ведь мне, помнится, были обещаны «экземпляры пострашнее».

Что ж, Рур – болтун, но не лжец.

Не будь Стрелок так очевидно связан с Песочницей, было бы логично поискать его здесь, среди этих… скольки? Среди этих девяти человек.

Я на скорую руку придумываю им кодовые имена, поскольку настоящие мне узнать не светит. Итак, слева направо, сидят и стоят, ерзают, общаются, поправляют волосы, облизывают губы и распространяют вокруг себя атмосферу нетерпеливого ожидания Феечка, Котяра, Паучьи руки, Помидорка, Глубокая Заморозка, Мослы, Черствая Ватрушка и Пыльный Мешок.

Котяра и Помидорка мне уже знакомы – именно с ними я видел Рура на одной из улиц Чешуи.

Остальных я раньше никогда не встречал.

Сейчас рыцуцик говорит о чем-то с Черствой Ватрушкой. В общем фоновом гуле голосов я не могу выделить их реплики. Но вижу, как скользит вниз угол его рта, как взлетает вверх пухлая ручка его собеседницы – и быстрыми ласкающими движениями поправляет сдобный завиток прически. Рур упрямо встряхивает косой челкой – и отходит к Мослам.

Я с болезненным любопытством всматриваюсь в лица зрителей. Раньше я, скорее всего, не обратил бы внимания на проступающую иногда в самых краешках их губ улыбку – почти такую же, как у я-второго.

Теперь же я не могу заставить себя прекратить за ней охотиться.

За этим занятием я пропускаю момент, когда на Руре застегивают блестящие пластинчатые перчатки. Предназначенные, вероятно, для того, чтобы сделать его удары более ощутимыми для мехимеры.

Момент, когда все начинается, я тоже пропускаю.

Вроде бы никто ничего не говорил. Не давал никакого сигнала. Нет зычного комментатора, фанфар, даже какого-нибудь общего синхронного выдоха. Просто когда я в очередной раз бросаю взгляд на свободное пространство в центре комнаты – оно уже не свободно.

Там кружат рыцуцик и мехимера. Небольшая, малахитово-зеленая, похожая на улыбающегося кузнечика, только без крыльев и на задних лапах. Она двигается быстро и тихо.

Только легкий шорох промхитина о промхитин.

Шаги Рура гораздо слышнее. Громче и тяжеловеснее.

Хотя он тоже перемещается быстро, ускользая от малахитовых лап.

Пока что – достаточно быстро.

Никогда его таким не видел – серьезным, резким и гибким. Даже на хомопластике. Если бы тут была ментор Виаль, она бы точно отсыпала ему баллов по максимуму.

Я ловлю себя на том, что пытаюсь двигаться вместе с ним.

Влево… вниз… Теперь удар… Надо же, дотянулся. Вскользь, но все же.

Не думал, что он так умеет, этот легкомысленный типчик, вечно голодный и вечно мелющий языком.

Все еще цел, как ни странно.

Хотя на самом деле, наверное, не так уж и странно. Если поразмыслить.

Это ведь не просто драка и не просто случайная вывернутая мехимера. Прежде всего это – зрелище. А зрелище должно длиться дольше, чем несколько секунд. Поэтому, думаю, пока «кузнечик» скорее танцует. Не включается полностью. Позволяет Руру пометаться вокруг…

Тут мне на мгновение кажется, что эти метания… что рыцуцик не просто уворачивается от длинных малахитовых лап и пытается сам хоть куда-то дотянуться. Что у него есть цель. Что он пытается найти уязвимость. Ту самую, о которой я ему не сказал.

Но, может быть, сказал кто-то другой?..

Нет. Вряд ли. Скорее, это мое воображение пытается подсунуть мне картину более справедливого боя. Такого, где у Рура есть шанс…

Смотри-ка, он сумел ударить снова. Попал… в скулу? Или как называется эта часть морды у кузнечиков? Наверное, пытался повредить глаз. Не вышло. И даже если бы вышло, «кузнечик» разве что на долю секунды сбился бы с темпа.

Интересно, для чего он был написан изначально? Ведь не для этого же? Не для арены из городских страшилок?

Хотя теперь я, пожалуй, готов поверить даже в «серых» мехимерников, игнорирующих семнадцать правил…

Вот же л-л-лысый мантикор!

Длинная матово поблескивающая лапа «кузнечика» все же дотягивается до Рура. Треплет его по плечу. Рука обвисает, лицо комкается, Рур кричит, зрители… Нет, не стоит на них смотреть. Кажется, кто-то причмокнул. Лучше бы мне послышалось.

Я знал, что это произойдет. Но знать и видеть – разные вещи. Очень, очень разные.

Все с той же добродушно-мультяшной улыбкой мехимера подсекает Рура, который пытался обойти ее сбоку. Почти бережно переворачивает его на спину. Пихает округлой мордой в ребра.

Рур снова кричит.

Я думаю о том, что там, на бурой равнине, так же кричал я.

Я думаю о хрупких ребрах.

Я думаю: «Не двигайся».

Но он зачем-то переворачивается на живот, хватает «кузнечика» за блестящую лапу и дергает.

Но для того, чтобы иметь шанс свалить мехимеру, ему нужны обе руки. Пластинчатые перчатки, похоже, не увеличивают силу рывка – только силу удара.

«Кузнечик» просто стряхивает его руку. И наступает на нее.

Если кости и хрустят, я не слышу. Слишком громко дышат вокруг…

Или это шумит у меня в ушах?

Мехимера поднимает своего противника. На секунду эта странная скульптурная группа застывает. А потом тело Рура шмякается об пол.

Только тут у меня разжимаются челюсти. Которые, оказывается, все это время были стиснуты.

А ведь по дороге думалось, что мне может и понравиться.

Что это зрелище почешет за ушком мою приунывшую мизантропию.

Наверное, хорошо, что не…

Что я не выгляжу сейчас, как Паучьи Руки с этими его артистично переплетенными пальцами, расширенными зрачками, подрагивающими ноздрями.

Или как Глубокая Заморозка. У нее, кажется, даже губы покраснели… а ведь были почти белые.

Я заставляю себя снова посмотреть в центр комнаты. «Кузнечик» так же плавно и бесшумно, как вытанцовывал с Руром, теперь обходит его по кругу. Но глаза его, большие, густо-зеленые, обращены в нашу сторону.

Нет, не совсем так. «Кузнечик» смотрит на одного конкретного человека.

Круглая фигурка поднимает пухлую руку и звонко щелкает пальцами. Мехимера тут же прекращает наворачивать круги вокруг поверженного рыцуцика.

Если бы у «кузнечика» имелся хвост, то наверняка радостно мотался бы из стороны в сторону всю дорогу до Черствой Ватрушки.

Значит, это ее мехимера… Интересно – только как собственницы… или как создательницы?

Я с любопытством кошусь на сдобную старушку, затянутую в синее платье с ирисами, и мне чудится в ней что-то знакомое. Не во внешности, скорее, в пластике тела. Эта вот манера держать голову так, будто на макушке фарфоровое блюдце, а на блюдце – яйцо, а в яйце – свернувшаяся змейка…

Может быть, Агния Венц с ее талантом хомопластика увидела бы больше. Но Венц здесь нет. А у меня нет времени разглядывать Черствую Ватрушку. У меня тут дело… Лежит неподалеку.

Я подхожу к Руру и сажусь на корточки. Очевидных травм не так много. Рука вся переломана… хотя кисть, возможно,

спасла толстая пластинчатая перчатка. Чтобы узнать точно, надо ее снять, а тут какой-то хитрый замок. В любом случае это мелочи. Это эски поправят легко. Понять бы, что там с ребрами… с легкими… и с черепом. И кто бы подсказал: можно его сейчас двигать или нельзя? Когда я соглашался пойти, я не думал, что будет… так.

– Простите-извините, вы ведь его знакомый? Займетесь им?

Я поднимаю голову. Снеговиком, которого зачем-то одели в синее платье с ирисами, надо мной нависает Черствая Ватрушка. Топкие темные глазки щурятся вниз, на Рура. Не дожидаясь моего ответа, она со страдальческим кряхтением опускается на колени и начинает расстегивать перчатку.

– А вы? Его знакомая?

– Постольку-поскольку, – отмахивается она, все с тем же кряхтением перемещаясь к другой руке.

Когда кисть рыцуцика оказывается на свободе, становится ясно, что пальцы все-таки сломаны.

Рядом шуршат по промхитину еще чьи-то шаги. Теперь возле Рура опускается Пыльный Мешок. Вид у него бледноватый, и, если слух меня не обманывает, зубы тихонько поклацывают.

– Вы с ним вместе, да? – почти повторяет он за Ватрушкой.

И непонятно, чего в голосе больше: надежды или подозрительности.

– А вы?

Все эти игры вроде бы не ко времени… но я не могу удержаться – вдруг случайно выяснится что-то важное, о чем умолчал Рур?

– Я? Не совсем. То есть, совсем нет. Я просто… просто его осмотреть надо. Или вы сами?.. Может быть, вы эскулап? Или вы? – Он поворачивается к Черствой Ватрушке.

– Нет. – Ее красиво очерченные, но подувявшие губы досадливо поджимаются. – Однако, даже не будучи эскулапом, я могу вам сказать, что у юноши сотрясение мозга… если не какая-то более серьезная черепно-мозговая. И несколько переломов. В том числе, скорее всего, ребер.

– Это да, это наверняка… Но можно я все-таки?..

Пыльный Мешок аккуратно прикасается к Руру: проверяет пульс, ощупывает плечо и грудную клетку, одновременно продолжая лепетать:

– Его бы прямо сейчас к эскам… Я и сам хотел учиться, даже начал… но никак. Слишком переживаю. Меня папа сюда специально… чтобы как-то переломить… Думал, я встречусь со своим страхом и побе… поборю его. Но я теперь еще больше не хочу. Я лучше ботаникой…

Пока он ползает на коленях вокруг Рура, Черствая Ватрушка поднимается. Зачем-то встряхивает снятые с рыцуцика перчатки. Взгляд круглых темных глазок упирается в меня. И мне хочется отогнать его, как жука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.